МАСКАРАД
Historical Romance

Скандальное Обольщение

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

ШАРЛОТТА ФИЗЕРСТОУН

HARLEQUIN®

Маскарад – Harlequin

Шарлотта Физерстоун

Скандальное обольщение

«Центрполиграф»
2011

Физерстоун Ш.

Скандальное обольщение / Ш. Физерстоун — «Центрполиграф», 2011 — (Маскарад – Harlequin)

Не в силах забыть о скандальной истории своего рождения и страшась повторить драматическую судьбу матери, Изабелла Фэрмонт не позволяет чувствам властвовать в своем сердце. Она выбрала подходящего жениха и мечтает о достойном надежном браке, пусть в отношениях супругов и не будет места любви. Природную страстность и романтические грезы девушка приберегает для романа, который пишет втайне ото всех. Там красавец Лорд Смерть, олицетворение темных сил, соблазняет ее. Но удобные отношения с женихом оказываются под угрозой из-за внимания к Изабелле затворника графа Блэка, который невероятно похож на героя ее книги. Таинственный граф Блэк постепенно покоряет Изабеллу удивительными знаниями о прошлом, редкой чувственностью и умелыми страстными поцелуями. Изабелла противится своему влечению к графу, полагая, что для него их отношения всего лишь прихоть, а для нее – прямой путь в пропасть. Но когда вероломное предательство ставит под угрозу ее жизнь, именно Блэк берется защитить Изабеллу от тех самых людей, которым она так доверяет…

© Физерстоун Ш., 2011
© Центрполиграф, 2011

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 16
Глава 3 27
Глава 4 41
Глава 5 53
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Шарлотта Физерстоун
Скандальное обольщение

Эта книга посвящается моей бабушке Макальпин и древним шотландцам, которые придумывали легенды и сказания и передавали их из поколения в поколение. Если бы не легенда про Джанет и Смерть, рассказанная мне в детстве, эта книга никогда бы не была написана! Бабушка, я переделала сказку по-своему, и, надеюсь, ты не возражаешь, что Джанет стала Изабеллой и доводит она Смерть до слез не песнями, а речами. Пока мы не встретимся снова…

А также Бет из Pussycat Parlor за то вдохновение, которое она мне придала своим талантливым изображением лорда Блэка!

Ты самая лучшая!

Я – туман, дождь и мгла, я – темные тени, крадущиеся у твоего окна.
Я – болесть и тьма, создание ночи, сводящее смертных с ума.
Я – ужас, ярость и гнев, и люди молят пощады, однажды меня узрев.
Вязкая скорбь одиночества, отчаянья всполох…
Я буду, я есть твой последний бессмысленный вздох!
И там, в темноте, где умолкнет биенье сердец,
Мы будем вдвоем, мы вместе встретим конец…
Я позову тебя, мы тронемся в путь —
В последний приют, где ты сможешь навеки уснуть…
Плечом к плечу мы пойдем, наши руки сплетутся,
Моя – холоднее льда.
Взглянув на меня, ты промолвишь, слова твои как вода:
– О Смерть моя, о Господин мой! Я не хочу туда!
Я отвечу тебе, как всегда говорю:
– Моли не моли, не облегчишь словами судьбу свою.
Много слез слышал я, много страстных призывов и просьб,
Но разбились они вдребезги о сердца моего кость.
Ибо я Господин теней, я – Смерть, я Владыка тьмы.
Я – тот самый Угрюмый Жнец, что обходит ночные холмы.
Знаешь, демоном в страхе зовут меня,
Те, чьи души мне суждены.
Я – Лорд Смерть, молчаливый странник, и славный
Нынче ждет меня урожай, и с тобой мы уйдем вместе
В мой прекрасный, мой сумрачный край…

Глава 1

Лондон, 1875 год

Впервые я увидела Смерть на балу, мы танцевали вальс. Зал был залит светом тысячи огней, слышался легкий шорох блистательных бальных платьев, украшенных жемчугом и кружевами. Он вел меня в головокружительном вальсе, а я дрожала, не в силах вздохнуть. В этом вихре чувств и музыки я уже не замечала окружающих, и весь мир перестал для меня существовать – лишь Смерть и я, танцующие, кружащие, уплывающие прочь из шумного бального зала.

Я должна была бы страшиться его крепких объятий, нонет, уж столько раз я встречалась со Смертью лицом к лицу и знала его так хорошо, что воспринимала почти как родственную душу. Да, я видела Повелителя смерти, и он был прекрасен в своей суровости, холодно разбивая сердца. Темный, таящийся в тени призрак, чья тонко сплетенная сеть, словно сумрачная вуаль, накрывала смертных, предназначенных его власти.

Но еще он был человеком, который не мог скрыть своего одиночества. Оно брезжило из его глаз, завораживающих, гипнотизирующих удивительной смесью застывшей в них теплоты и могильного холода. Их радужки бледно-голубого, с оттенком зелени, цвета навевали воспоминания о неспокойных, холодных водах Северного моря. Но его ресницы, густые, роскошные ресницы, черные как вороново крыло, скорее напоминали соболиный мех, теплый, умиротворяющий и нежный – такой мягкий и обволакивающий. Его волосы были столь же темны, а их густая, сияющая, иссиня-черная масса доходила до плеч, напоминая мех какого-то дикого зверя. Я жаждала коснуться рукой его длинных локонов, погрузить пальцы в их упругую теплоту.

– Знаете ли вы, кто я? – спросил меня он.

Его глубокий, бархатный голос пронзил меня насквозь, пробуждая глубокое чувство. Нет, это не было страхом, напротив, я ощутила нечто совсем иное. Нечто, делавшее меня томной и податливой, будто воля моя не принадлежала мне более.

– Вы – Повелитель смерти, Лорд Смерть, – ответила я беззвучным шепотом.

– И ты меня не боишься?

Я подняла глаза и стойко встретила ледяной взгляд его голубых очей.

– Нет, не боюсь.

Он прижал меня к себе поближе, я коснулась его груди, и тела наши слились в дурманящем ритме танца. О, как непристойно! Чувственно. Восхитительно… Кровь резко пульсировала в моем теле, казалось, будто я вся горю. Лорд Смерть заметил бешено бившуюся жилку на моей шее – он не мог отвести глаз, и я понимала, что он также ощущает внезапно охвативший меня жар.

– Вы пришли, чтобы забрать мою душу, Лорд Смерть?

Он медленно поднял взгляд, и густые, цвета оникса ресницы опустились, скрывая выражение его глаз.

– Да, но пойдешь ли ты со мной сейчас?

Мы завершили тур вальса, и он взял меня под руку, сплетая наши пальцы и направляясь к застекленным створчатым дверям, ведущим в бархатную темноту.

Я добровольно последовала за ним, его красота манила меня, и, подобно лунатику, я не могла оторваться от него, влекомая чем-то, чему не знала названия.

– Я должна умереть?

Он остановился, поднял наши сплетенные руки, прижал к губам и нежно поцеловал костяшки моих пальцев.

– О да, любовь моя, и, когда ты уснешь, станешь нареченной Смерти.

* * *

– И это все? – воскликнула Люси, бросая в Изабеллу подушку. – Ах ты, злодейка!

Люси подбежала к туалетному столику, за которым сидела Изабелла, и вырвала из ее рук тетрадь в черной кожаной обложке. Судорожно листая страницы, она отчаянно искала продолжение.

– Говорю тебе, Люси, я едва успела начать историю.

Люси подняла глаза, щеки ее возбужденно горели.

– О, я чуть не лишилась чувств, когда ты закончила рассказ! Клянусь, я готова голову потерять от твоего Лорда Смерти!

Изабелла ощутила прилив гордости, принимая тетрадку из рук кузины.

– Ты думаешь, хорошо? – спросила она, нервничая и пробегая глазами написанные ею строчки.

– Хорошо? Помилуй бог, Исси, ты просто превзошла саму себя. Да даже мистер Рочестер[1] не выглядел таким задумчивым и притягательным, как Лорд Смерть.

Улыбаясь, Изабелла убрала карандаш и тетрадь в вышитый жемчугом ридикюль, который приготовила для сегодняшнего вечера.

– Мне никогда не удастся превзойти мистера Рочестера, Люси. Шарлотта Бронте вывела в нем просто потрясающего героя.

– Но этот твой Лорд Смерть, с черными как смоль волосами и бледно-голубыми глазами… – прошептала Люси и, прикрыв глаза, закружилась по комнате в воображаемом туре вальса. – Он просто воплощенная мечта любой девушки. Ах, погрузиться в его объятия и ощутить, как все его мысли и чувства обращены к тебе… О, Исси, – воскликнула она, внезапно останавливаясь перед кузиной, – это превосходно!

– Должна признаться, начало мне и самой немного понравилось.

– Ах, Исси, не будь такой скромницей, – властно произнесла Люси, поворачиваясь к зеркалу, чтобы пригладить несколько выбившихся золотисто-каштановых локонов, – это же всего лишь я. Ты вполне можешь назвать вступление потрясающим, и я от всего сердца с тобой соглашусь.

Скрывая улыбку, Изабелла развернула пуфик, на котором сидела, ближе к зеркалу, и еще раз поправила ожерелье из аметистов с бриллиантами, украшавшее ее стройную шейку. Это был подарок дядюшки, и она старалась надевать украшение при любой подходящей возможности. Прежде Изабелла никогда и помыслить не могла о том, что будет носить нечто столь же прекрасное и дорогое.

Ее волосы постепенно привыкали к прическе, однако сотворить что-либо благообразное с мятежными локонами льняного цвета, так и норовящими выскользнуть из заколок и шпилек, оказалось очень непросто. Ей удалось спрятать большую часть прошлого, скрыть свое простое происхождение и, образно говоря, прыгнуть выше головы, только вот у ее волос, похоже, намечались совсем иные планы. Они попросту отказывались повиноваться, и Изабелла едва подавила смешок, когда ей в голову пришла мысль о том, что йоркширское упрямство не поддается приглаживанию, распрямлению или причесыванию. По крайней мере, пока.

– Расскажи мне о своей героине, Исси, той леди, которой удалось завоевать сердце Смерти.

Изабелла нахмурилась. Как ни странно, она еще почти не думала о женщине, предназначенной в невесты Смерти. Пролог родился внезапно, словно из какого-то потайного места

[1] Рочестер – главный герой романа «Джейн Эйр» знаменитой английской романистки Шарлотты Бронте (1816–1855). (*Здесь и далее примеч. пер.*)

в колодце ее души. Туда, в эти неизведанные глубины, заглядывать не хотелось из опасения увидеть свое прошлое. Хотя, возможно, она опасалась будущего?

Люси успела заметить выражение лица кузины и опустила голову, почти касаясь ее виском, когда девушки рассматривали свое отражение в зеркале.

– Или эта героиня – ты сама, Исси?

Изабелла приоткрыла рот от удивления, и Люси рассмеялась, когда та густо покраснела.

– Не говори глупостей, Люс.

Неужели это она действует в прологе и представляла себя, описывая головокружительный танец со Смертью? О, Изабелла действительно не была незнакомкой для этого угрюмого господина. Но сделать из него героя? Думать о нем как о том, кто может завлекать и соблазнять… кого можно желать, а не поносить?

– Ой, ну ты ведь понимаешь, я только поддразниваю тебя, – заметила Люси. – Господи, Исси, да не будь ты такой темпераментной! Терпеть не могу этого в артистических натурах. Мне пришлось разорвать наш легкий флирт с Эдуардо, так как, на мой взгляд, его настроение постоянно менялось.

– Гм, ну а чего ты еще ожидала? – пробормотала Изабелла, наконец пришедшая в себя от шока внезапного осознания, что, возможно, она и есть героиня своего романа. – Ты же встретила его на спиритическом сеансе!

Изумрудные глаза Люси взволнованно вспыхнули.

– И через несколько дней будет еще один. Ну, скажи, что ты пойдешь, Исси.

Причиной ее неприятия сеансов было вовсе не отсутствие дорогих сердцу родных и близких, по которым она бы отчаянно скучала и искренне желала пообщаться, призвав из царства духов. Ее матушка, бабушка и тетя – все они безвременно покинули ее, и всякий раз Изабелла чувствовала присутствие Смерти – угрюмой тени, безмолвно застывшей в темном углу комнаты, ожидая, чтобы забрать с собой свою жертву.

Возможно, во всем виновато ее слишком живое воображение, но девушка была убеждена, что в каждый тот скорбный день она воочию наблюдала Смерть. Конечно, Белла никогда бы не посмела признать подобное или кому-нибудь рассказать. Да и кто бы ей поверил? И все равно какая-та часть ее страшилась того, что и в самом деле могла видеть Смерть, и именно эта часть безоговорочно отказывалась присутствовать на сеансе вместе с Люси, опасаясь, что Угрюмый Жнец[2] снова явит себя миру.

– Итак? – продолжала настаивать Люси. – Если тебя не интересует само действо, представь, что это лишь хороший повод освободиться на одну ночь от балов и званых вечеров. Кроме того, ты сможешь почерпнуть там массу полезного для своей книги. Если хочешь, можешь взять с собой мистера Найтона.

– Вот уж не думаю, что куратор отдела Средневековья Британского музея сильно заинтересуется сеансами, столоверчением или общением с духами при помощи спиритической доски.

Люси хмыкнула, надевая длинные перчатки из лайковой кожи:

– Никогда не могла понять, что ты нашла в этом напыщенном ничтожестве!

– Он очень добр ко мне. И… мне он показался вполне привлекательным.

– В этом я не могу с тобой поспорить, однако мне бы хотелось напомнить тебе, Исси, насколько скучно вести с ним беседу, а также о том, что мистер Найтон вряд ли поддержит твои мечты стать романисткой. Сложно ожидать такой широты взглядов от сухаря ученого, – назидательно заметила кузина. – Найтон – настоящий догматик, приверженец строгих фактов. Романы же, как ты понимаешь, – истории выдуманные. Сомневаюсь, что этот господин найдет в своем четко структурированном головном мозге местечко для восхищения какими-то романчиками.

---

[2] Угрюмый Жнец – одно из прозваний Смерти в английском фольклоре.

– На что ты намекаешь, кузина?

Взгляд Люси смягчился.

– Только на то, что он, вполне вероятно, не способен понять твой блестящий ум, Изабелла. Его волнуют факты, а ты погружена в мир фантазий. Трудно найти двух более не похожих друг на друга людей.

Изабелла опустила глаза и принялась внимательно рассматривать лежащие на коленях руки. Взгляд ее упал на гагатовый браслет, в котором она держала ключ от своего дневника. Она бережно коснулась большим пальцем блестящих черных камушков.

– Я вполне смогу отказаться от фантазий, доставляющих мне сейчас такое удовольствие. Возможно, Люси, мужчина, который бы держал меня твердо привязанной к земле и не позволял витать в облаках в волшебном мире грез, – именно то, что мне и нужно. – Вздрогнув, Изабелла снова взглянула на кузину, смотревшую на нее с выражением, показавшимся ей похожим на симпатию. – Все это не имеет значения. Шансы на то, что мне когда-либо удастся опубликовать роман, весьма призрачны, Люси. Поверь, это всего лишь обычное увлечение.

Люси приподняла подбородок Изабеллы своими тонкими пальчиками и решительно взглянула на нее сияющими зелеными глазами.

– Повторяй за мной. Я, Изабелла Фэрмонт, окончу эту книгу и отправлю ее во все издательства Лондона…

– И Нью-Йорка, – напомнила Изабелла.

– И Нью-Йорка, – добавила Люси. – И не успокоюсь, пока не увижу ее опубликованной. Я не откажусь от своих мечтаний и фантазий.

Изабелла вскочила и крепко обняла Люси, которая была для нее не просто кузиной, но и самой лучшей подругой. С тех пор, как Изабелла стала жить с Люси и ее отцом, они превратились в почти родных сестер.

– Обещаю тебе, Люси. Я окончу роман и найду издательство. И заставлю мистера Найтона стать поклонником мира фантазий, даже если это будет последним, что мне удастся в этой жизни.

– И ты должна пообещать прочесть мне еще. Пожалуйста, зачитывай каждую ночь то, что тебе удастся написать за день.

Изабелла покраснела.

– Тебя же интересуют только те отрывки, в которых говорится о страстном, прерывистом дыхании и налившейся томлением девичьей груди.

– Ну конечно, – протянула ее кузина. – А ради чего еще читать романы? А теперь, – вздохнула она, – давай спустимся вниз. Мы и так опоздали, и папа, вероятно, уже готов взорваться от негодования. Мы не должны заставлять ждать маркиза Стоунбрука. – Люси покачала головой, не в силах тем не менее сдержать смешок. – Папа такой напыщенный аристократ.

Да, старый маркиз весьма самодовольный, однако, в сущности, неплохой человек. Он забрал в свой дом Изабеллу, племянницу со стороны жены, несмотря на скандал, связанный с «браком» ее родителей. Изабелла любила его как родного отца, которого никогда не знала. Он спас племянницу от неопределенного будущего и от нее самой. Она чувствовала себя обязанной дяде настолько, что вряд ли надеялась когда-либо расплатиться с этим долгом. Тем не менее Белле так не хватало утешения и покоя, которые она некогда находила в историях матушки и теплых руках бабушки. Она скучала по Уитби[3] и его темному покинутому аббатству, призрачным туманам, поднимавшимся с берега моря. Не могла забыть вересковые пустоши и каменистые утесы, гордо возвышающиеся над неспокойными, бурлящими пенными барашками волнами Северного моря. Она скучала по дому и всему, с ним связанному.

[3] Уитби – город в английском графстве Северный Йоркшир. Расположен на восточном побережье Британии у дельты реки Эск. Одна из достопримечательностей Уитби – знаменитое аббатство, основанное в 657 г.

Она скучала по *ним*.

О, как бы ей хотелось снова увидеть маму и бабушку… Изабелла почувствовала, что ее глаза заволокло слезами. Слава богу, голос Люси оторвал от печальных мыслей.

– У меня уже заранее болят мои бедные ножки, стоит только подумать о предстоящем вечере. Боже мой, Исси, как же я устала от непрерывной череды этих светских развлечений!

Стремясь позабыть на время про Уитби, Изабелла постаралась вернуть утерянное самообладание.

– О, и я тоже, Люси. Я бы что угодно отдала за возможность остаться в моей комнате, сесть за письменный стол и писать, писать, писать, пока пальцы не почернеют от чернил.

– Несмотря на то что я бы очень хотела узнать больше о Лорде Смерти, Исси, нам необходимо появиться на балу, который устраивает папа.

– Знаешь, когда я была девчонкой, безумно желала приобщиться к той жизни, которую ведешь ты, – платья, балы, кавалеры… Теперь же я совсем не уверена, что тебе приходилось лучше, чем мне.

Обернувшись к Изабелле, Люси усмехнулась своей обычной дерзкой улыбкой и устремилась к выходу.

– А я всегда испытывала зависть к твоему уютному домику, лугам, лесам и долинам, где ты вместе с другими деревенскими детьми могла носиться день напролет, не думая о приличествующих манерах и строгой осанке. У тебя было настоящее детство, Исси, – то, чего мне не хватало. – Люси вскинула голову, продолжая улыбаться. – Я так мечтала об этом. Представляешь, оказывается, все это время мы невольно завидовали друг другу. Какая ирония судьбы, правда?

– В самом деле, а ведь я сижу сейчас здесь и придумываю причины, чтобы не идти на бал, когда всю жизнь только и мечтала обо всех этих недоступных мне развлечениях.

– Выше голову, – велела Люси. – Может, и тебе улыбнется счастье! Все не так безнадежно, и, вероятно, тебе удастся сегодня записать что-нибудь в своей тетрадке. Ты же знаешь, в бальной зале много темных уголков.

– И конечно, кавалеры со всего зала немедленно сбегутся в мое укрытие, – фыркнула Изабелла. – Мужчины просто обожают леди-романисток.

– Лорд Блэк уж точно, могу поклясться.

Изабелла окинула кузину недоверчивым взглядом, прежде чем взять с туалетного столика перчатки цвета слоновой кости.

– И откуда ты только это взяла, Люси? Лорд Блэк никогда не покидает того мавзолея, что зовет городским домом.

Люси остановилась на пороге и повернулась вполоборота. Оранжево-розовый шелковый шлейф роскошного бального платья изящно обвил ее ноги.

– Я видела его прошлой ночью.

– Выдумщица! Ничего ты не видела! – недоверчиво промолвила Изабелла.

– Клянусь, все именно так и было. Я никак не могла заснуть после вечера у Анструтеров. Сидела на подоконнике, смотрела на звезды и внезапно заметила, как напротив приоткрылись тяжелые железные ворота. Оттуда показался черный сверкающий экипаж, запряженный четверкой вороных лошадей. Экипаж задержался на мгновение, и я разглядела тень, мелькнувшую в свете каретных фонарей. Присмотревшись, я увидела графа – в окошке показалось его бледное лицо, он выглянул из кареты, и, клянусь, взгляд его был прикован к соседнему от меня окну. К окну *твоей* спальни, Исси.

– Чепуха! – воскликнула Изабелла.

– Сущая правда.

– Думаю, Люси, тебе стоит попытаться вместе со мной писать романы. У тебя прекрасное воображение.

– Думай как хочешь, Изабелла, но я-то знаю, что видела. И попомни мои слова: наш сосед сегодня обязательно будет на балу. Уверяю тебя, моя дорогая, маркиз Стоунбрук не мог его не пригласить.

Одно продолжало удивлять Изабеллу после того, как она стала жить вместе со своим дядей, маркизом Стоунбруком: ей по-прежнему не нравились балы.

Большую часть детства и юности она просидела подле рассохшегося окошка маленького коттеджа, который арендовала ее мать в Уитби, думая о своей прекрасной кузине, смеющейся, флиртующей и танцующей в роскошном бальном зале в доме Стоунбруков, одевающейся в необыкновенно дорогие наряды. Маленькое сердечко Изабеллы замирало от зависти и восхищения. Как же она хотела тогда хоть раз в жизни попасть на бал! Надеть ослепительное платье. Залучить симпатичного кавалера.

Было нечто ироничное в том, что теперь, когда все три ее желания исполнились, Белла потеряла к этому всякий интерес. Ей гораздо больше нравилось уютно устроиться в кресле перед пылающим камином в спальне, накинув на плечи старый фланелевый капот, и писать свои истории – ровно то, чем она занималась до приезда Стоунбрука и Люси в Уитби и ее отъезда в Лондон с ними.

Чудесная новизна городской жизни ей приелась. Несмотря на то что на дворе стоял уже октябрь, вся минувшая неделя прошла в нескончаемой череде балов. Вопреки официальному завершению традиционной ярмарки невест сезона, английская аристократия не видела необходимости возвращаться на зиму в свои фамильные сельские имения. Возможно, причина крылась в том, что богатые лондонские дельцы, недавно создавшие свои огромные состояния, очень редко покидали Лондон. А титулованным особам вряд ли удалось бы сбыть с рук своих взрослых дочерей какому-нибудь нуворишу, пребывая в Йоркшире, среди овец и полей.

Нет, теперь брачные партии заключались далеко не только в сезоны. В этом же сезоне в свете стало доподлинно известно, что маркиз намеревался выдать замуж не только свою дочь, но и племянницу.

Поначалу Изабеллу захватила сама идея настоящего романа с ухаживаниями, прогулками по парку, встречами на балах, музыкальных вечерах и традиционных раутах. Однако очень скоро она поняла, что одна только мысль о необходимости еще одного светского выхода сводит ее с ума. Даже Люси, рожденная и воспитанная для этой жизни, не находила удовольствия в бесконечных балах и развлечениях.

Поправляя на запястье изящный серебряный ремешок ридикюля, Изабелла подумала о том, какую прекрасную пару они собой представляют. Люси, даже не пытавшаяся скрыть свой глубокий интерес ко всему сверхъестественному, и Изабелла, получавшая удовольствие от написания многочисленных историй, постоянно вертевшихся у нее в голове. Обе они казались весьма оригинальными и далекими от идеала хорошо воспитанных юных леди из аристократической семьи. Возможно, обе унаследовали способность матери Изабеллы не обращать внимания на «мелочи», необходимые порядочной, благовоспитанной леди. Господь свидетель, матушка совсем не походила на свою родную сестру. Тетя Милдред всегда была правильной и в высшей степени респектабельной, возможно, даже слишком. В отличие от матери, нарушавшей, не смущаясь, общепринятые нормы и правила приличия. Изабелле порой приходило в голову, что Люси очень напоминает ей ее несчастную матушку – и внешне, и неукротимым темпераментом. Не она одна разделяла это мнение. Тетя Милдред боялась, что Люси становится слишком похожей на ее «несчастную павшую сестрицу». Страх этот оказался настолько силен, что накануне десятого дня рождения Люси тетя Милдред отказалась отправиться в Йоркшир навещать сестру и с тех пор держала дистанцию между ними, не допуская, чтобы Люси даже случайно нахваталась развратных, диких черт характера матери Изабеллы.

Правда, сама Изабелла опасений – повторить путь матери – не вызывала. Еще в очень раннем возрасте девочка получила тяжелый урок. И никогда не последует по ее стопам.

– Мои ноги уже гудят, – прошептала ей на ухо Люси, когда они стояли в тепло натопленной бальной зале, наблюдая за танцующими парами. – И боюсь, блестит лоб.

Изабелла внимательно посмотрела на Люси.

– Лишь чуть-чуть. Можешь незаметно его вытереть?

– Сомневаюсь, похоже, к нам прикованы взгляды всех присутствующих.

– Не к нам, а к тебе, моя дорогая, – пробормотала Изабелла. – Думаю, всем не терпится узнать, явится ли сегодня на спиритический сеанс герцог Сассекс.

– Господи, будем надеяться, нет, – простонала Люси, яростно обмахиваясь веером. – Категорически не представляю себе его светлость на сеансе.

Прикрыв рот рукой, чтобы не засмеяться, Изабелла привстала на цыпочках, высматривая герцога, ухаживания которого за ее кузиной становились все более и более страстными. Он взглянул в их сторону, и выражение его лица немедленно изменилось: на смену учтивой вежливости пришла глубокая погруженность в свои мысли. Сассекс определенно мог задумываться, и выглядел при этом необычайно привлекательно. Почему только ее кузина этого не замечала, Изабелле было абсолютно непонятно. То, как он смотрел на Люси, несомненно, заслуживало того, чтобы потерять голову.

– Он тебе нравится, Люси?

– Он красивый. Богатый. Титулованный. У него по крайней мере четыре имения, разбросанные по всему королевству, и я слышала, будто он большой филантроп – состоит в разнообразных благотворительных обществах и комитетах, призванных исправить положение простых людей, а также тех несчастных, которым не повезло в жизни. Просто воплощенная добродетель, – едко заметила Люси, отворачиваясь от пристального взгляда несчастного герцога. – Конечно, он мне должен нравиться, однако скажу не таясь: я не испытываю к нему ничего более чем дружба. Он – само совершенство, – задумчиво объяснила она. – Безупречен, как архангел. Признаюсь только тебе: мне больше по вкусу падшие ангелы. Глядя на его черные кудри и прекрасное лицо, можно подумать, будто он тот самый ангел… Но нет, он ни капли не опасен, напротив, сиятелен и чист на сто процентов.

– Опасные мужчины хороши только в романах, – возразила Изабелла, наблюдая за тем, как Сассекс переговаривается со своими знакомыми. – В реальной жизни от них больше беды, чем пользы. Поверь мне, ведь я плод связи именно такого опасного распутника и наивной, поддавшейся страсти женщины.

Люси перебила ее весьма неучтивым хмыканьем.

– Исси, да на земле нет другой женщины, которая бы лучше тебя смогла написать портрет вызывающе восхитительного повесы. Только не говори, будто никогда не хотела, чтобы в твоей жизни появилось немного опасности. Твои истории – продолжение твоей души. Загляни в себя глубже. Нет, – она не дала Изабелле возможности возразить, легонько шлепнув ее кончиком сложенного веера по руке, – не надо отрицать. Просто признай, – прошептала Люси, – где-то в глубине души ты хочешь, чтобы появился опасный мужчина и сбил тебя с пути истинного.

– Нет. Ничего подобного я не хочу. И могу заверить тебя, моя дорогая Люси, ты ошибаешься. Если же, паче чаяния, на моем пути и встретится опасный мужчина, я с воплем убегу в противоположном направлении.

Люси рассмеялась, а Изабелла продолжила слежку за передвижениями черноволосого джентльмена по бальному залу. Сассекс был высок, хорошо сложен, изысканно одет. Обладал веселым, легким характером. И так же, как ее кузина, находил удовольствие в смехе и улыбках. Изабелла решила, что они смогут стать прекрасной парой, когда герцог, с помощью ухаживавшего за ней Уэнделла Найтона, попросил представить его Люси. К сожалению, кузина по-прежнему равнодушна к очевидным достоинствам Сассекса.

Стоило Изабелле подумать о своем поклоннике, как подле герцога неожиданно появился и сам мистер Найтон. Взглянув на него, она почувствовала, как ее сердце забилось немного быстрее. Пульс вздрогнул, стоило его темно-карим глазам поймать в толчее бального зала ее блуждающий взгляд. Он улыбнулся, и Изабелла, слегка покраснев, посмотрела на него в ответ.

– Мистер Найтон определенно влюблен в тебя, Исси.

Легкий румянец стал багровым.

– Он мне очень нравится.

Люси подняла голову и внимательно взглянула на кузину.

– И все же я по-прежнему чувствую, что этот мужчина не для тебя. Тебе нужен совсем другой человек – глубже, более сложный. Тот, кто поймет, что ты на самом деле собой представляешь, Исси.

– Глупости, – рассмеялась Изабелла, следя глазами за танцующими парами. – Ты превращаешь меня в некую загадочную и таинственную натуру, когда я всего лишь простая йоркширская деревенская девчонка.

Но это было неправдой. После того *несчастного происшествия* прошлой весной все понимали, что Изабелла совсем не такая. Ни она, ни ее семья не заговаривали больше об этом, однако осознание случившегося никогда не покидало Беллу, спрятавшись где-то в глубине души и грозя выйти наружу.

– О, только посмотри, – прошептала Люси, – он пришел.

– Кто пришел? – Изабелла попыталась всмотреться в глубину зала, но ничего не увидела из-за украшенных высокими перьями причесок леди по соседству.

– Слева, на балконе.

Толпа замерла в предвкушении. Все повернули голову в направлении возвышения, на котором стоял дворецкий, объявлявший имена гостей:

– Граф Блэк.

Какофония музыки и смеха внезапно смолкла, гости подались вперед, желая хотя бы мельком взглянуть на джентльмена, чье имя только что произнесли. Зал затих, приковав внимание к широкой парадной лестнице. И наконец, подобно волшебнику из облака таинственного дыма, показался он, свысока поглядывая на обращенные к нему любопытные лица.

Черные как ночь волосы волнами ниспадали ему на плечи. Гладкая бледная кожа блестела в ослепительно-ярком свете свечей. Глаза приметного бирюзового цвета пронзали толпу с неприкрытым интересом. Совершенный изгиб иссиня-черных бровей усиливал впечатление от немного раскосых глаз.

Его длинные и изящные пальцы легко сжали перила балюстрады, пока он изучал открывшуюся перед ним сцену. Граф был очень высок, с широкими плечами и хорошо развитой грудной клеткой. Черный костюм и белый галстук отличались исключительной элегантностью и изяществом кроя. И хотя в последнее время в моду вошли галстуки-бабочки, старомодный галстук-платок необыкновенно ему шел, придавая надменно-аристократический вид. То же самое можно было сказать и о его бархатном фраке, пошитом на восточный манер – с высоким воротником-стойкой и двумя рядами золотых пуговиц, как у военного мундира.

Он выглядел очень экзотично, словно какой-то цыганский принц или русский дворянин. Граф медленно повернул голову, вглядываясь в залитый светом бальный зал и людей в нем.

По мнению Изабеллы, граф Блэк производил впечатление зрелого и умудренного опытом мужчины, таинственного, многое повидавшего, в высшей степени привлекательного. Она осматривала его с головы до ног. От него исходило легкое ощущение опасности. Ей пришла в голову эта мысль, подкрепленная тем, что стоящие подле нее дамы вдруг принялись перешептываться, прикрывшись пышными веерами. Несколько джентльменов за мерли, опасливо поглядывая на графа. Все двигались медленно, словно время внезапно застыло, и ничтожное

мгновение длилось вечно. Оттого ли, что собравшиеся в зале люди опасались, будто резкое движение может привлечь внимание графа?

Наблюдая за тем, как граф Блэк спускается по лестнице, Изабелла чувствовала разливающееся по всему телу приятное тепло. Он был исполнен гордой надменности и хищной грации, высокий и лощеный, напоминал бенгальского тигра, которого Уэнделл как-то показал ей в Британском музее. Тот же алчущий взгляд она разглядела тогда в зеленых глазах тигра. Граф Блэк, несомненно, вышел на охоту, только на что или, скорее, на кого, она боялась предположить.

Лорд Блэк никогда раньше не показывался из своего городского особняка, расположенного через улицу от дома ее дяди. Иногда ей удавалось мельком заметить его темную фигуру. Его уединенность и недоступность только подстегнули ее богатую фантазию. Изабелле показалось, что ее глубокое дыхание участилось, а писательское воображение заработало с удвоенной силой. Кожа внезапно словно натянулась. Девушка ощутила, как под сиреневым атласом тесного лифа ее платья поползли мурашки, стоило лишь заметить, как граф прокладывает себе путь сквозь плотную толпу гостей с властной магией Моисея, раздвинувшего волны Красного моря. Внезапно лорд Блэк остановился, повернул голову и нашел ее среди суеты бального зала. Когда их глаза встретились, Изабелла почувствовала легкость и странное головокружение.

Он выглядел воплощением тайны и экзотики, более чем опасным для благонравной юной леди. Взгляд лорда Блэка приковывал, не позволяя разорвать возникший контакт. Желая разрушить чары его магических, цвета морской волны глаз, Изабелла моргнула и заставила свое пылавшее, словно погруженное в летаргию, тело двигаться.

– Становится все жарче, ты так не думаешь? – полузадушенным голосом поинтересовалась она у кузины. – Я уверена, мне просто необходим глоток свежего воздуха.

Прежде чем Люси успела возразить, Изабелла повернулась к ней спиной и направилась в сторону застекленных дверей, ведущих на террасу. Коснувшись ручки, она оглянулась и увидела, что граф Блэк по-прежнему стоит в центре зала в окружении сливок лондонского общества. Он не обращал внимания на своих обожателей, продолжая смотреть на нее своим пронизывающим взором. В его глазах застыло обещание, темное и запретное.

– О, моя дорогая, – услышала Изабелла позади себя голос маркиза. Она почувствовала прикосновение его руки, снявшей ее безвольную кисть с ручки стеклянной двери, сменившееся крепким пожатием. – Кое-кто желает быть тебе представленным.

Изабелла попыталась отказаться, когда дядя повел ее в ту часть зала, где в окружении своего «двора» возвышался граф Блэк. Взгляд последнего все так же был прикован к ней, и она вздрогнула.

– Дорогая моя, успокойся, все хорошо. В том, что до тебя, возможно, дошло о Блэке, нет ни капли правды. Всего лишь сплетни.

Она вообще ничего не слышала о графе Блэке, за исключением того, что любое его появление на светских раутах долго обсуждалось. Все считали его затворником. Интересно, на какие сплетни намекал дядя?

И вот Изабелла уже стояла перед ним, их глаза вновь встретились, она резко вздохнула, задыхаясь, не в силах сдержать тихий стон. Глаза у Блэка были вовсе не бирюзовые, а бледно-голубые, с проблесками светлой зелени. «Словно бушующее море, – подумала она, – неспокойное море в Уитби».

– Ваш покорный слуга, мисс Фэрмонт, – сказал он глубоким, хрипловатым голосом, бархатным и темным, как беззвездная ночь. – Вы позволите вас пригласить? – спросил Блэк, принимая ее руку от маркиза Стоунбрука. – Мне кажется, следующим будет венский вальс.

Он привлек ее к себе, и она была потрясена, ощутив легкое покалывание в затянутых в перчатки кистях рук. Когда же заиграла музыка, Изабелла оказалась в его объятиях, а граф

повел ее в танце, поддерживая одной рукой за спину. Слова, однажды написанные ею, обрели звучание.

Впервые я увидела Смерть на балу, и мы танцевали вальс…

Блэк опустил глаза, и его взгляд, странным образом знакомый и близкий, устремился к ней.

– И вы не боитесь, – прошептал он, подхватывая ее и кружа в ослепительном вихре, от которого у нее перехватило дыхание.

Глава 2

– Прошу прощения, милорд, вы что-то сказали? – требовательно воскликнула Изабелла.

Однако граф не обратил внимания на ее реплику и вновь закружил в танце, сжимая ее дрожавшую руку нежно и бережно, пытаясь успокоить.

– Вы нервничаете, мисс Фэрмонт.

– Я… да. Прошу прощения.

– Вы меня о чем-то спросили?

– О да. Простите, милорд, но мне показалось, будто вы сказали о том, чего не следует бояться, когда мы начали танец?

Граф Блэк опустил свои ярко-бирюзовые глаза. Изабелла была уверена, что взгляд их устремлен сейчас в маленькую ложбинку на ее горле, где бешено билась крошечная синяя жилка. Она глубоко вздохнула, ее руки задрожали вновь.

– Ах да, теперь припоминаю. Хотя и не привык бывать в обществе, я способен танцевать с некоторой долей умения, мисс Фэрмонт. И не стоит бояться, что отдавлю вам ноги.

От его очаровательной улыбки пропала вся ее нервозность. Похоже, писательское воображение завело ее слишком далеко, и ей показалось, будто он произнес нечто совсем иное.

«Что за чушь», – продолжала укорять себя Изабелла. Надо же быть такой глупой, думая, будто его взгляды и этот танец напоминают события, описанные в прологе к ее роману. Боже, неплохо бы взять себя в руки и не поддаваться причудам слишком живого воображения.

Лорд Блэк – почтенный граф из высокопоставленной, титулованной семьи, чье происхождение уходило корнями в глубину веков. Несмотря на все свое отшельничество, он лишь человек. Не… *Смерть*.

Кроме того, по всем свидетельствам, запах смерти – приторно-сладкий, от лорда Блэка же исходил приятный, таинственный и экзотичный аромат пряностей. Восточных пряностей, если она правильно поняла.

– Вы очень хорошо танцуете, мисс Фэрмонт.

– Благодарю вас, милорд.

Услышав его комплимент, Изабелла не смогла сдержать удовлетворенной улыбки. Она потратила чертовски много времени, обучаясь вальсу. Девушка с детства умела и любила танцевать сельские танцы, однако вальс – совсем иное дело. Напустить на себя вид, будто отдаешь отчет своим действиям, оставаясь при этом изящной и элегантной, и не путаться в шагах, не так-то легко.

– Полагаю, вы выросли в Уитби, на побережье? – поинтересовался лорд Блэк, искусно отводя ее дальше от скопления вальсирующих пар.

Они танцевали теперь в глубине зала, где было значительно тише и к тому же удобнее вести беседу, чем, судя по всему, граф и намеревался заняться.

– Это так, – ответила Изабелла, предпочитая не распространяться на сей счет более необходимого для поддержания вежливого разговора.

Дядя предупредил, чтобы она не рассказывала слишком много о своей прошлой жизни. Маркиз постарался замять скандал, связанный с ее несчастной матерью, однако это вылилось в кругленькую сумму.

– Слышал, вы только в прошлом году переехали в Лондон, чтобы жить со своим дядей и кузиной, не правда ли?

– Вы правы, милорд.

– И это ваш первый сезон в свете?

– И снова повторюсь, все именно так, милорд. – Для отшельника он удивительно хорошо информирован.

– Как вам понравился лондонский сезон, мисс Фэрмонт?

«Невыносимо длинный и утомительный».

– О, просто восхитительный, – солгала она.

Он едва слышно рассмеялся, и ее словно окутало мягким бархатом его тихого смеха.

– Поскольку я сам терпеть не могу светское общество, вам вряд ли удастся ранить мою чувствительность, сказав мне правду. В лучшем случае первый сезон мог показаться вам нудным и скучным.

Изабелла почувствовала, как ее глаза широко раскрылись от потрясения. И как это Блэку удалось с такой легкостью прочесть ее мысли?

– Насколько мне известно, ваша матушка была сестрой покойной супруги вашего дяди?

Она невольно тяжело сглотнула, когда граф приступил к новому раунду вопросов.

– Да, милорд.

– Вы очень похожи на свою матушку, мисс Фэрмонт.

Изабелла изумленно задержала дыхание.

– Вы знали мою мать?

– Я был маленьким мальчиком, когда ваша матушка покинула Лондон и переехала в Уитби.

Очень вежливый и тактичный способ сообщить ей, что ему известно о скандальном прошлом ее матери и о том, каким мерзким негодяем был ее отец.

– Мне кажется, ваша тетя и матушка жили на соседней отсюда улице?

– Да, – согласилась Изабелла, ощущая все возрастающую неловкость. Насколько хорошо ему известны ее обстоятельства?

– Я часто видел, как они отправлялись на прогулку. Окна моей классной комнаты выходили на улицу, понимаете, и я заглядывался в них гораздо чаще, чем следовало прилежному ученику.

– Ах! – Она отвернулась от его пристального взгляда.

– У вас такие же светлые кудри, как и у вашей матери. О да, это так. Белла унаследовала также склонность к романтическим авантюрам. Однако, в отличие от матери, она не пускалась в приключения со всем пылом юной страсти, а писала о них.

– Вы остались совсем одна, когда ваш дядюшка приехал в Уитби, чтобы забрать вас обратно в Лондон?

Откуда он узнал? Этот факт, равно как связанное с ним *несчастное происшествие* держались в строгой тайне, известные лишь Люси и маркизу Стоунбруку. Совершенно непостижимо, чтобы Блэк проведал об этом. Если только, конечно, его самого не было там в ту ночь.

Нет, это действительно невозможно. Она снова позволила своим фантазиям восторжествовать над здравым смыслом.

– Услуга за услугу, мисс Фэрмонт. Теперь ваша очередь спрашивать меня о чем пожелаете.

– Хорошо, – тихо промолвила Изабелла, судорожно пытаясь придумать, что сказать. – Что привело вас в Лондон?

Лорд Блэк привлек ее к себе поближе, избегая столкновения с другой парой, пожелавшей покинуть танцы. Она замерла не дыша, ощутив, что лиф ее платья коснулся его фрака.

– Я здесь по делам, – ответил он.

У нее на языке вертелся вопрос, какого рода дела призвали его в Лондон, однако она постаралась обуздать свое любопытство. Ей вовсе не хотелось, чтобы окружающие проявляли излишнее внимание к деталям ее личной жизни, и потому готова была оказать аналогичную любезность лорду Блэку, который, насколько она понимала, столь же ревностно хранил уединение. Возможно, в том случае и он проявит понимание, воздержавшись от дальнейших вопросов относительно ее прошлого и ее семьи.

– Надеюсь, пока вы здесь, милорд, вам удастся выбрать время и посетить музей. Мистер Найтон открывает новую выставку. Все предрекают ей ошеломляющий успех.

– Найтон, – пробормотал он, и Изабелла заметила, как взгляд Блэка быстро обнаружил мистера Найтона в толпе танцующих.

– О да, он мой очень хороший друг и, между прочим, раскопал…

– Он ваш поклонник, мисс Фэрмонт.

Она запнулась, сбилась с шага и натолкнулась на Блэка. Он изящно поймал ее, приобнял и продолжил вальсировать, сделав вид, что не заметил ее ошибки.

– Вы сказали, будто он ваш друг, однако мне говорили, что он ухаживает за вами.

Изабелла встретила его испытующий взгляд и быстро моргнула.

– Да, знаете…

Она залилась краской, выведенная из равновесия, не зная, что сказать. Внезапно ее окутал аромат пряностей. Пьянящий, головокружительный… Боже, от него исходил такой прекрасный запах…

– Вы начали говорить, что он участвовал в раскопках.

Изабелла попыталась привести в порядок свои расстроенные чувства и разбегающиеся мысли. Откуда Блэк узнал про Уэнделла Найтона? Прошел всего лишь месяц с тех пор, как Уэнделл начал за ней ухаживать.

– Ах да, раскопки, – неуверенно произнесла она, наконец-то попав в такт и выровняв шаги, – на Святой земле. Он привез средневековые сокровища, среди них несколько артефактов, некогда принадлежавших тамплиерам.[4] Вскоре должна открыться уникальная выставка в Британском музее. Вам нравятся древности, милорд?

Его губы изогнулись в сардоническую усмешку.

– Можно сказать и так, мисс Фэрмонт. Я побывал в разных уголках света, у меня было множество возможностей заняться собирательством древностей. Даже ваше прелестное платье однажды будет выставлено в музее. Она улыбнулась, отметая его любезное высказывание.

– О, глупости. Всего лишь сиреневый шелк.

– Но ведь оно пошито мистером Вортом,[5] не так ли?

Она густо покраснела, румянец залил ее щеки и декольте, когда его, вне всяких сомнений, опытный взгляд скользнул по тесному лифу платья, словно касаясь виднеющейся в низком вырезе пылающей плоти, полускрытой пышными кружевными оборками.

– Ворт, несомненно, станет знаменитым в следующем столетии благодаря присущему ему таланту подчеркивать своими нарядами достоинства женской фигуры.

– О, платье вряд ли может сравниться со средневековыми артефактами, милорд.

– Вполне, если оно надето на вас, мисс Фэрмонт.

Изабелле показалось, будто у нее в животе неистово вспорхнули крылышками крошечные бабочки. Уэнделл никогда не говорил ей ничего подобного, такого, что могло бы вызвать столь сумасшедшее трепетание. Изо всех сил стараясь побороть непреодолимое желание обмахнуть себя рукой, будто веером, она заметила:

– Что ж, в любом случае я надеюсь, вы зайдете в музей. Это замечательное место, в котором обязан побывать каждый приехавший в Лондон, и, полагаю, вам это хорошо известно, милорд.

– А вы будете там, мисс Фэрмонт?

---

[4] Тамплиеры (*фр.* «храмовники»), или рыцари храма Соломона, – духовно-рыцарский католический орден, основанный на Святой земле в 1119 г. после Первого крестового похода.

[5] Ворт Чарлз Фредерик (1825–1895) – знаменитый европейский модельер, шил платья для супруги Наполеона III – императрицы Евгении. Прославился тем, что изобрел кринолин, первым стал использовать манекен современной формы. Считается родоначальником моды «от-кутюр».

– О да. Мистер Найтон пообещал, что, едва корабль прибудет в порт, по его расчетам уже завтра, я смогу одной из первых осмотреть коробки с находками.

– Я не имею никакого права давать вам советы, как поступать, однако уверен, что вам следует позволить мистеру Найтону самому разобраться со своими делами, без вашего участия. Портовые доки – не место для леди. – Она почувствовала, как он крепко ее обнял, заставляя поднять глаза. – Я буду очень сердит, если с вами что-нибудь случится, мисс Фэрмонт.

– Да что может…

– Не все сокровища чисты и прекрасны. Помните об этом.

Осторожно ее поддерживая, Блэк завершил танец. Изабелла заметила, что он внимательно следит глазами за одним молодым лордом, чье имя выскользнуло у нее из памяти. Она уже видела его прежде, кажется, он – знакомый герцога Сассекса. Взгляд лорда Блэка помрачнел, зрачки превратились в огромные черные шары.

– Прошу простить меня, мисс Фэрмонт, но я вижу кое-кого, с кем мне необходимо встретиться.

Он рванулся в противоположную сторону, однако рука Изабеллы словно приклеилась к нему. Зацепившись за пуговицы его фрака, ее вышитая сумочка внезапно распахнулась. Прежде чем она успела ее подхватить, оттуда вывалился дневник и раскрылся. Проклятье! Она же всегда обычно держала дневник на маленьком замочке – на его страницах нашли прибежище ее сны, фантазии и тайны, не говоря уже о сюжетах книг и отрывков будущих историй. Ей совсем не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал о содержании ее личных заметок, однако сегодня Изабелла позабыла обо всем, растревоженная восторженными похвалами Люси и последовавшим затем обсуждением графа Блэка.

Если бы она была в своем уме, обязательно бы закрыла дневник на замочек или, что вероятнее всего, вообще бы не взяла с собой на бал.

Они оба наклонились, чтобы поднять выпавшую тетрадь. Блэк оказался проворнее и первым взял ее в руки. Изабелла не сомневалась, что он начал читать дневник, каким бы грубейшим нарушением приличий ни выглядел подобный поступок.

Джентльмен немедленно бы закрыл тетрадь и передал ее владелице. Однако Блэк продолжал внимательно всматриваться в строчки раскрытого дневника, протянув своей партнерше руку, помогая подняться. Тетрадь с шумом закрылась, Изабелла отпрянула, потрясенная внезапным хлопком, сопровождаемым подозрительно пристальным взглядом лорда Блэка.

– Благодарю вас за вальс, мисс Фэрмонт.

С этими словами он удалился, оставив у смущенной девушки впечатление, будто она нечаянно нанесла ему оскорбление.

– Боже мой! – воскликнула Люси, заводя Изабеллу в комнату отдыха для леди. – Ну, не томи же, расскажи мне все! Это было божественно – танцевать с графом?

Изабелла не могла сконцентрироваться ни на одной мысли. Вместо того чтобы войти внутрь, Люси сопроводила Изабеллу в другую комнатку, освещенную лишь маленьким газовым светильником. Они были здесь одни, и тем не менее Изабелла ощущала чье-то присутствие. Она скользнула взглядом по углам, едва успев облегченно вздохнуть, осознав, что в них нет никаких притаившихся теней, как тут же ощутила знакомый холодок, пробежавший по позвоночнику. Растерла обнаженные руки подушечками пальцев, чтобы унять озноб. Она ненавидела темноту – и тени.

– Так что же? – требовательно вопросила Люси.

Изабелла кивнула:

– Это и в самом деле было божественно.

– Я так и знала. – Слова лились из Люси рекой. – С той самой минуты, как Блэк заметил тебя, он не отводит от тебя глаз. О, это было так романтично, все его страстные взгляды. И вы с ним представляли такую прекрасную картину, кружась в танце по залу…

– Ты все преувеличиваешь, Люси.

– Вовсе нет, – возмутилась кузина. – Ты только подумай – граф! Какая хорошая для тебя пара!

– Я о нем ничего не знаю.

– Именно для этого и придумали ухаживания.

– Да, но за мной уже ухаживает мистер Найтон.

Прелестное личико Люси сердито сморщилось.

– Исси, будь разумной. Я видела, как лорд Блэк смотрел на тебя, более того, как *ты* смотрела на него.

– Я не делала ничего подобного! – воскликнула она, ужасаясь при мысли о том, что все ее чувства и эмоции легко прочесть на лице. Да, она, безусловно, испытывала симпатию к графу, однако внезапно обнаружить, что симпатия очевидна для всех, – в высшей степени унизительно.

– Признай же, Исси, в графе есть нечто, заинтриговавшее тебя.

Конечно, есть. Какая леди не будет заинтригована его таинственностью или не почувствует на себе притягательную силу его в высшей степени привлекательной внешности? Его словно окружала атмосфера опасности, которую невозможно не заметить и не погрузиться в нее с головой. Для любой женщины естественно покориться столь целостной и внушительной личности, как лорд Блэк. Он старше. Опытнее. Многое повидал в этой жизни. Поэтому его гипнотическое воздействие на нее вполне объяснимо. Господи Боже, до прошлого года она была всего лишь одетой в лохмотья простушкой из Йоркшира.

Это… влечение к Блэку – проявление обычного женского любопытства, из которого ничего не выйдет. Изабелла испытала несколько мгновений возбуждения и опасности, не более того. Она не позволит слишком живому воображению и импульсивной натуре привести к своему падению.

– Исси, – предупредительно заметила Люси, – ты же не отрицаешь, что находишь графа притягательным?

– Если бы я так и поступила, мы бы обе знали, что это ложь. Истина в том, что я считаю лорда Блэка очень харизматичным.

– И привлекательным.

– Да.

– И богатым.

Изабелла склонила голову, признавая справедливость слов кузины.

– И влюбленным в тебя до безумия.

– Я не верю в то, что граф способен потерять голову от любви. Он не мальчишка, Люси, он – мужчина.

– И это пугает тебя, правда?

Господи, да с каких это пор Люси стала столь прозорлива? Изабелла не ответила на последний вопрос, внутренне, однако, признавая справедливость замечания кузины. Граф действительно пугал ее. Она еще никогда не чувствовала, чтобы тело ее так отвечало на чью-то близость. Это ужасало и одновременно восхищало. Каждая ее клеточка изнывала от беспокойства, хотелось сбежать прочь и спрятаться где-нибудь в надежном месте. Ее отец был так же очарователен. Матушка поведала ей немало историй. Однако она вовсе не хочет окончить жизнь так, как ее несчастная мать, покинутой и обесчещенной, едва сводящей концы с концами. Да, в жизни есть место страсти, но, по мнению девушки, все должно быть четко

ограничено выдержкой и волевым контролем. Опрометчивое безрассудство подобно поцелую Смерти.

– Знаешь, что я думаю? Ты уже поняла, что мистера Найтона не так сложно держать в отдалении. Однако тебе оказалось достаточно одного танца, чтобы осознать, насколько сложно справиться с лордом Блэком. Блэк всегда добьется желаемого, конечно, не силой, однако это не имеет значения, поскольку он все равно найдет средства для достижения цели. От него нельзя отдалиться, как от Найтона.

– Я не отдаляюсь от Найтона, Люси.

– Согласна, перед тобой и не стоит такой задачи. Найтону и самому это удается, что не может тебя не радовать, поскольку так проще сдержать данную себе клятву не повторить ошибки матери.

Изабелла не знала, что сказать. Люси права. Найтона нельзя назвать пылким кавалером. Он весьма учтив, его ухаживания не преступали границы, дозволенные приличиями. Но Блэк… Изабелла вздрогнула. Блэк никогда не будет сдержанным и приличным, стремясь достичь желаемого. Уж в этом можно быть уверенной.

– Мистер Найтон – именно тот спутник жизни, которого я хочу, Люси. Мне не требуется городской дом в Мейфэре,[6] или титул, или огромное состояние. Мне нужно постоянство, безопасность и, возможно, немного взаимной привязанности.

Люси улыбнулась, крепко сжав руки:

– Дорогая моя Изабелла, когда же ты поймешь, что первая любовь мистера Найтона – его работа?

– Я пойму это тогда, когда ты решишь, что герцог Сассекс заслуживает твоего внимания.

Люси удивленно посмотрела на нее:

– Не в бровь, а в глаз, Исси.

– Я знаю, ты желаешь мне только хорошего, однако и я прекрасно осознаю, что делаю. Я вовсе не собираюсь охотиться за недостижимым лордом Блэком. Он не тот человек, которого я бы хотела видеть своим супругом. Кроме того, мы говорим всего лишь об одном танце, а не о предложении руки и сердца или нечто подобном. Ты раздуваешь много шуму из ничего.

Люси понимающе взглянула на нее.

– Посмотрим, посмотрим. Время все расставит по своим местам.

– В самом деле, Люси, – укоризненно заметила Изабелла. – Ты ведешь себя слишком откровенно.

– Правда? Приношу свои извинения. Что же, я слышу, начался еще один вальс, а ты пообещала третий вальс мистеру Найтону. Только не думай, что на этом наш разговор завершился, – ответила с улыбкой Люси, понизив голос до едва различимого шепота. – Сегодня вечером после бала я хочу во всех подробностях услышать рассказ о твоем танце с привлекательнейшим лордом Блэком.

Неохотно кивнув, Изабелла подхватила Люси под руку, и они вышли из темной комнаты, направляясь в бальную залу, которая внезапно показалась слишком жаркой и душной. Изабелле просто необходима была передышка, она чувствовала себя не в настроении вести пустые светские разговоры. Больше всего ей хотелось бы остаться один на один со своими мыслями и воспоминаниями о прекрасном танце в объятиях лорда Блэка.

– Добрый вечер, Изабелла.

Она остановилась, улыбаясь Уэнделлу, который выглядел очень привлекательно в черном вечернем костюме, за исключением парочки пыльных хлопьев, осевших на отворотах его фрака. Он проследил за ее взглядом и неловко застыл на месте.

---

[6] Мей эр – фешенебельный квартал в центре Лондона, в Вестминстере.

– Проклятье! – воскликнул Найтон, отряхивая фрак. – Прошу прощения за мой внешний вид. Ничего не поделаешь, пришлось забежать в музей по пути к вам.

Люси со значением посмотрела на Изабеллу, однако та предпочла проигнорировать взгляд кузины.

– О, вам не о чем беспокоиться. Полагаю, вы хотели лично удостовериться, все ли готово к открытию новой выставки?

– Да. И… – Уэнделл покраснел, взглянув Изабелле в глаза. – Я… просто подумал, не позволите ли вы мне пропустить этот танец. Я понимаю, как это отвратительно выглядит, однако здесь присутствует один высокопоставленный покровитель музея, и я хотел бы с ним переговорить. Это касается финансирования. Если я не буду целенаправленно вести работу по поиску пожертвований… – Он выжидающе оборвал себя, его карие глаза были полны надежды на понимание.

– О, конечно. Вы должны обязательно найти его и поговорить с ним.

– Благодарю вас. Я приложу все усилия, чтобы возместить вам мое упущение.

– Не надо, ничего не говори! – воскликнула Изабелла, обращаясь к своей кузине, когда Уэнделл наконец удалился. – Ты лучше других понимаешь, что я совсем не расстроилась оттого, что мне придется посидеть в сторонке во время танца.

– Я не произнесла ни слова.

– Но хочешь.

– Ужасно, – с усмешкой заметила Люси. – Однако я слишком тебя люблю. И слишком хорошо воспитана, чтобы заявить, будто я тебе говорила!

– Ха! Твое изящное воспитание не мешает тебе требовать от меня написания в моих романах фривольных сцен.

– На самом деле я – твое второе «я».

– Ах, Люси, вот вы где. Я хорошо помню, что вы пообещали мне этот танец.

Люси утомленно прикрыла глаза, услышав голос герцога.

– Обращение по имени представляется мне слишком личным, ваша светлость, – неодобрительно заметила она подошедшему к ним Сассексу. – И совсем неподобающим.

– Равно как и попытка подвести джентльмена, которому вы пообещали танец. – Сассекс озорно улыбнулся, протягивая руку Люси. – Вы меня извините, мисс Фэрмонт? – спросил он, не сводя глаз с ее кузины. – Этого танца я ждал весь вечер.

Изабелла улыбнулась, когда герцог повел Люси в центр зала. Наблюдая за тем, как ее кузина и Сассекс, заняв нужную для танца позицию, присоединились к вальсирующим парам, она внезапно осознала, что перед ней открывается уникальный шанс незаметно удалиться. В зале становилось все жарче и многолюднее, и Изабелла была готова отдать что угодно за возможность оказаться на террасе и вдохнуть сладковатый запах опавшей листвы.

Стараясь не привлекать внимания, она осторожно прокладывала себе путь через толпу собравшихся гостей к стеклянным створкам дверей, ведущих на террасу. Приоткрыв одну из них, Изабелла выскользнула наружу, глубоко вдыхая влажную ночную прохладу. От Темзы поднималась полоса тумана, накрывая землю серой пеленой. Жестяные марокканские светильники свисали с ветвей садовых деревьев, мерцающие в них огоньки приглушенно сияли сквозь густой туман. Позади террасы и деревьев рос гигантский розовый куст, за которым скрывался небольшой лабиринт. Здесь она надеялась обрести уединение и покой.

Приподняв пышные юбки, Изабелла сбежала по ступенькам, мысленно возблагодарив небеса за холодную промозглую ночь, совсем не вызывавшую у собравшихся гостей желания подышать свежим воздухом. Никто не заметит, как девушка скроется в лабиринте.

Выросшая в Уитби на побережье холодного Северного моря, она давно привыкла к влажности и была уверена: чтобы проветрить голову, нет ничего лучше глотка ледяного воздуха. А

ее голова определенно нуждалась в этой оздоровительной процедуре. Все ее мысли в данный момент занимал таинственный граф Блэк.

Обогнув угол, она углубилась в лабиринт, в самом центре которого ожидала хорошо известная каменная скамейка – ее любимое место, а сегодня она так нуждалась в утешающем комфорте.

– Ох! – воскликнула Изабелла, заметив, что здесь уже кто-то сидит. Этот кто-то поднял голову, и она замерла, едва дыша. – Лорд Блэк.

Раскинувшийся в задумчивости на каменной скамье, он выпрямился и медленно встал во весь рост.

– Мисс Фэрмонт.

– Я… я вовсе не хотела нарушить ваше уединение. Я и представить себе не могла, что…

– Не беспокойтесь. Мне всего лишь нужно было несколько минут тишины, чтобы прийти в себя после духоты бальной залы. А вам?

– Боюсь, у меня дела обстоят так же.

– Вы присоединитесь ко мне?

Она неосознанно огляделась по сторонам. Вокруг не было ни души. Стояла непроглядная мгла. Если кто-нибудь застанет их здесь в темноте и одиночестве, ее репутация неминуемо будет погублена. Оркестр играл очень громко. Даже сюда долетали пронзительные скрипичные трели. Услышат ли ее в доме, если она закричит?

– Я понимаю, для вас неподобающе находиться здесь, в уединенном месте, с мужчиной, которого вы едва знаете, но мне очень не хочется уступать вам эту скамью. Совсем не джентльменское поведение с моей стороны, не так ли?

– Именно так, милорд.

Он улыбнулся, и Изабелла неожиданно заметила маленькие ямочки в уголках его губ. По какой-то необъяснимой причине она никак не могла отвести от них взгляд – отвести взгляд от него.

– Однако я охотно поделюсь с вами местом. Вас это устроит?

Она была уверена, что ей не удалось скрыть мелькнувшую в глазах настороженность, равно как и неловкую неподвижность ее застывшей фигуры. Ей следовало бы сказать «нет». Однако губы никак не могли произнести это слово.

– Я не причиню вам вреда, Изабелла.

Необычайное ощущение близости, вызванное к жизни звуками его глубокого голоса, произнесшего ее имя, заставило Изабеллу вздрогнуть. Откуда он его узнал? Ей снова пришла в голову мысль о том, что лорду Блэку известно о ней довольно многое.

– Вы не присоединитесь ко мне?

Она ведет себя в высшей степени глупо. Кроме того, похоже, ему совершенно невозможно отказать, когда он так смотрит на нее. «Как так?» – спросила себя Изабелла, приближаясь к скамейке. «Как лиса на загнанного зайца», – был бы правильный ответ.

– Вы замерзли, – заметил Блэк, едва она присела с ним рядом.

Шлейф от ее платья сбился в кучу, и сиреневый шелк накрыл ноги лорда Блэка. Изабелла повернулась, чтобы подобрать складки, однако он удержал ее руку и осторожно разгладил нежный шелк платья на своем колене.

– Вы согласитесь принять мой фрак?

– Я чувствую себя хорошо, – ответила она, слегка вздрогнув. Удивительно, но ей совсем не было холодно.

Он отодвинулся от нее и принялся стаскивать с себя бархатный фрак.

– Нет, я настаиваю, – твердо произнес граф Блэк, накрывая им ее обнаженные плечи. – В противном случае вы сможете встретить свою смерть прямо здесь.

Изабелла замерла, столкнувшись с ним взглядом, и Блэк пододвинулся к ней поближе.

– А это не самое лучшее знакомство, не так ли?

– Зависит от того, имеете ли вы в виду то, о чем прочли в моем дневнике?

Он скользнул глазами по ее лицу, остановившись на ее губах.

– Нет. Я вовсе не имел в виду ваши сочинения. Вы простите меня, Изабелла?

Она отвернулась, не в состоянии ни о чем думать, поскольку бабочки в животе снова взмахнули своими легкими крылышками. Он произносил ее имя так нежно, так убаюкивающе. Было в этом нечто притягивающее, подчиняющее себе волю.

Блэк бережно коснулся пальцами ее подбородка, заставляя вновь взглянуть на него.

– Я не должен был читать ваш дневник, но, признаюсь откровенно, просто не мог остановиться.

– Вас настолько увлекла моя писанина? – поинтересовалась Изабелла, попытавшись свести все к шутке.

Однако в Блэке не было ничего веселого или легкомысленного. Он казался целеустремленным, настойчивым, и от его взгляда мурашки бежали у нее по коже.

– Я… я хотел узнать о вас. Узнать о вас все.

Она приоткрыла рот, но не смогла вымолвить ни слова.

Она была потрясена. Зачарована.

– Вы позволите мне это, Изабелла? – Голос его дрогнул, когда он прижался к ней еще ближе. Восхитительное и очень личное мгновение словно застыло в воздухе. – Вы позволите мне узнать о вас все? Открыть вас для себя так, как мне хочется?

Его взгляд, блестящий и острый, обжигал, согревал до самых глубин ее естества. Внутри ее словно расцветал бутон розы, раскрываясь навстречу лучам солнца. Она понимала, чего он желает. Сознавала потаенный смысл его слов. Не могла не признать, что в душе также жаждет узнать его.

Между ними возникло странное магнетическое притяжение. Они чужие друг другу, а он говорил с ней очень лично, почти фамильярно, совсем не по-джентльменски. Она должна была быть шокированной, возмущенной. Их едва представили, и тем не менее Изабелла чувствовала, будто знакома с ним целую вечность. Словно душа ее узнала того, с кем они когда-то уже встречались – в другом времени и месте.

Подобрав полы фрака и закутавшись в него, она наслаждалась его ароматом, волнами исходившим от мягкой материи, смешиваясь с ее духами. Это рождало в ней очень опасные мысли, которые вовсе не советовали ей бежать прочь от лорда Блэка.

И это грозило настоящей бедой. Ей следовало бы как можно быстрее положить всему конец, и она уже открыла рот, однако слова по-прежнему не шли к ней. Вместо этого Изабелла произнесла:

– Услуга за услугу, ведь так?

Его губы растянулись в медленной чувственной улыбке, и она заметила победный огонек, сверкнувший в его глазах.

– Очень хорошо. Тогда вы первая.

– Какова настоящая причина, приведшая вас сюда, на эту скамейку?

Он быстро взглянул на нее.

– Как я уже сказал ранее, мне нужно было немного проветрить голову.

– Вы совсем не похожи на человека, привыкшего спасаться бегством, хотя, мне кажется, сюда вас привело именно это намерение.

В его глазах вспыхнуло нечто, очень напоминающее восхищение.

– Кажется, мы с вами мыслим в унисон. В самом деле, я бежал. Питаю отвращение к светскому обществу, мне больше по душе жизнь таинственного отшельника. Такого ответа вы желали?

– Полагаю, этот ответ гораздо ближе к истине, чем тот, которым вы меня удостоили в первый раз.

– Ну а вы, мисс Фэрмонт? Что на самом деле заставило вас искать убежище в пустынном лабиринте?

«Желание бежать от вас, от того эффекта, что вы на меня производите».

– Боюсь, причины наших поступков схожи. Я новичок в свете и все еще не могу избавиться от желания побыть в одиночестве. Я привыкла к уединению, порой суета и многолюдье бального зала для меня просто невыносимы.

Блэк кивнул, и она заметила, как он нежно коснулся подушечками пальцев атласной материи ее платья. Он наблюдал за тем, как его пальцы скользят по ее юбкам, этот его жест показался невероятно романтичным.

– Теперь моя очередь. – Блэк приподнял голову и посмотрел на нее. – Как вам удается терпеливо сносить всю эту монотонную череду балов, эти бессодержательные, скучные разговоры, которые не только не позволяют узнать о собеседнике ничего нового, напротив, лишь обнажают тот факт, что вы окружены пустыми бездушными прихлебателями?

Она улыбнулась и обратилась взглядом к усыпанному звездами небу.

– Я пишу. – Закрыв глаза, Изабелла глубоко вдохнула аромат влажной травы, прислушиваясь к шуршанию опадающей листвы и невольно чуя едкий запах дыма печных труб. – Я представляю себе, что нахожусь не здесь, а где-нибудь в другом месте.

Она почувствовала, как он придвинулся к ней вплотную, его ноги касались ее бедер.

– Куда вы направляетесь? – прошептал Блэк, и шепот окутал лаской ее дрожащее тело.

Она наслаждалась этим не дающим покоя, соблазнительным голосом и ощущениями, которые он в ней пробуждал.

– Туда, где я могу быть сама собой. Где никого не заботят ни мои родители, ни обстоятельства моего прошлого. Где можно позабыть обо всем.

Глаза Изабеллы широко распахнулись, когда она почувствовала, как его пальцы коснулись ее лица. Он смотрел на нее так пристально, что она явственно осознала необходимость отодвинуться, оказаться от него подальше, но не могла пошевелить и пальцем, безвольная, утонувшая в глубине его глаз.

– Ты никогда не должна становиться кем-то другим, Изабелла. Особенно со мной.

Она вздрогнула, и он провел большим пальцем по ее подбородку, наклонив ее голову и внимательно рассматривая в лунном свете.

– Если какие-то люди и не хотят видеть тебя такой, какая ты есть, они не заслуживают того, чтобы тратить на них время.

Блэк оказался настолько проницательным и близким, что она была по-настоящему околдована его нежными речами.

– Я думаю, ты само совершенство, Изабелла.

– Милорд… – прошептала она, когда он склонил голову, стремясь коснуться своими губами ее губ.

– Блэк, – пробормотал он, и его губы скользнули по ее щеке. – Зови меня просто Блэк.

Его дыхание ласково обдувало изящную раковину ее ушка, все ее тело казалось безвольным и словно охваченным внутренним жаром. Изабелла почувствовала, как его нос коснулся ее затылка. Затем – касание атласной мягкости его губ. О, какое искушение!

– Блэк, – прошептала Изабелла, сама не сознавая, просит она его продолжить или остановиться.

– Расскажи мне, о чем ты пишешь, Изабелла?

Она резко моргнула и зажмурила глаза, почти оказавшись в его объятиях.

– Я… мои сочинения не предназначены для широкой публики, милорд.

– Ты можешь на меня положиться. Я никогда не предам тебя.

Изабелла поняла, что и в самом деле может ему доверять.

– Я придумываю дамские истории.

– Романы, – пробормотал он бархатным, глубоким голосом. – Для женщин?

– Да, – согласилась она, и ее щеки залились румянцем.

Что должен он о ней думать? Сначала дневник, а потом они сидят, обнявшись в темноте, и она позволяет его губам скользить по ее щеке. Граф решит, что она доступна и аморальна. Падшая женщина, которой можно воспользоваться в темноте пустынного сада. Почему бы и нет? Ведь она ведет себя именно так.

– Способ сбежать от мира с его строгими правилами и установками, – шептал он, – в царство фантазий, где можно думать и чувствовать как хочется, невзирая на пол и связанные с ним условности.

– Блэк, – едва слышно промолвила Изабелла, но на этот раз в ее шепоте звучала мольба. О чем только она его молила?

– Волшебные легенды о любви, – протяжно произнес он, его губы ласково коснулись ее подбородка.

Она откинула назад голову, его рука скользнула вниз по ее шее к маленькой впадинке у ключицы, которую он нежно ощупал холодными пальцами.

– Истории о страсти, желании…

Изабелла резко вздохнула сквозь приоткрытые губы, сердце тяжко стучало в груди. Она не могла ответить ему. Любое слово слишком опасно. Нельзя признавать справедливость его догадок, даже если они и справедливы.

– Ты расскажешь мне свою историю, Изабелла? – Он обнял ее крепче, лиф ее платья коснулся его груди, его дыхание щекотало ее ушко. – Историю испепеляющей страсти и запретного желания…

– Пожалуйста, я…

– Я знаю. – Он играл пальцами с ее локонами, выбившимися из прически и опустившимися на нежную шею. – Ты не можешь более оставаться здесь со мной.

– Д… да, – пробормотала она, дотрагиваясь до накрахмаленной манишки его белоснежной рубашки. – Не могу.

– Мне никогда не удавалось успешно противиться тому, что я делать не должен, но очень хотел, – прошептал Блэк, устремив свои губы к ее устам. – А тебе, Изабелла?

О, она была более успешна в борьбе с собой. Ее всегда страшила возможность повторить судьбу матери.

– Белла? – Легкими, как перышко, губами он дотронулся до ее губ. – Можешь ли ты устоять?

Изабелла резко моргнула.

– Я должна! – воскликнула она и рванулась прочь.

Его фрак соскользнул с ее плеч и упал на каменную скамью. – Доброй ночи, лорд Блэк.

Он смотрел, как она поднялась со скамьи и ускользнула во тьму. Ветер усилился, проникая сквозь плотный заслон садовых кустов, образующих стены лабиринта. Где-то резко прокричал филин. Изабелла оглянулась назад, обнаружив графа стоящим там, где они вместе сидели всего несколько секунд назад.

Их взгляды встретились, и тихий голос, манящий и соблазнительный, прошептал: «*Впервые я увидела Смерть на балу, мы танцевали вальс, и я страшилась его, страшилась того, что он заставлял меня чувствовать, заставлял хотеть. В ту ночь я бежала от него, однако Лорд Смерть по-прежнему оставался у меня за спиной, преследуя меня, и я желала, чтобы он меня настиг*».

Глава 3

Даже в смерти своей она была прекрасна. Фарфоровая кожа лица, лишенная цвета, делала ее похожей на ангела. Ее кудри, рассыпавшиеся по черному бархату, свободно обвивали его руку. В лунном свете они отливали серебром и напоминали мерцающие шелковые нити. Он опустил голову, вдыхая аромат ее роскошных волос, представляя себе, как они развеваются вокруг ее тела, как он перебирает эти локоны своими тонкими пальцами.

Она лежала так спокойно, так умиротворенно, что он не мог устоять и медленно приподнял голову, отрываясь от ее прекрасных волос, чтобы коснуться холодных алебастровых щек. Некогда они были столь округлы и румяны, однако все краски жизни ее покинули. Он склонился, чтобы поцеловать ее губы, которые больше не отливали пастельным розовым цветом. Прощание. Расставание. Их уста соприкоснулись, ее холодные, его – еще холоднее. Вечный поцелуй Смерти…

Блэк внезапно очнулся ото сна. Он сидел на постели, темные тени скрывали стены его спальни, горло горело от отчаянного крика.

Она приснилась ему. Мертвая, лежащая в его объятиях. Ее нежная, чуть румяная кожа лишена тепла и цвета. Некогда гибкое тело недвижимо застыло в его руках. Искры в ее зеленых глазах погасли, сменившись непроницаемой пеленой.

Мертва. Он не мог этого вынести.

Тяжело вздохнув, Блэк отбросил одеяло и встал, потянувшись к черному бархатному халату, брошенному на спинку кресла. Накинув его, он завязал вокруг талии пояс, скрывая наготу, подошел к окну и положил руку на раму. Мерцающий огонек освещал другое окно в расположенном через дорогу особняке, и его расслабленные пальцы судорожно сжались в кулак. Это было *ее* окно. Изабеллы.

Он по-прежнему чувствовал на своих пальцах ее ускользающий аромат. Стоило закрыть глаза, и Блэк видел ее такой, какой она предстала перед ним всего несколько часов назад в лабиринте – ресницы опущены, губы призывно приоткрыты. Неземное видение, воплощенная мечта. В темноте в его объятиях ее нежное тело прижималось к нему. Он видел желание в манящих изумрудных глазах, чувствовал, как оно воспламенило ее, и не мог противиться искушению.

Ее аромат возбуждал, затуманивал сознание. Он хотел ее. *Яростно*.

И каким бы постыдным ни было это признание, он не мог лгать самому себе. Да, он бы взял ее прямо там, тем же вечером, если бы Изабелла не убежала от него. И зачем ему, опытному мужчине, преследовать невинную девственницу?

Уже в сотый раз за эту ночь он проклинал себя за глупость. Приглашать Изабеллу на танец – непростительная ошибка с его стороны. Однако Блэк не смог остановить себя. Сколько времени он безмолвно жаждал ее, храня безопасное расстояние между ними. Сколько простоял у этого самого окна, спрятавшись в тени, желая каждую долгую, нескончаемую ночь разглядеть за темным стеклом ее силуэт.

Странное оно, это чувство. Его тело оживало и теплело при одной только мысли о ней. Прошло много лет с тех пор, как он впервые ощутил хоть что-нибудь, кроме холода и пустоты. Жизнь его полнилась одиночеством, слухами и домыслами. Он был проклят, знал это, внутренне смирился с этим знанием и использовал его для того, чтобы окружить сердце ледяным панцирем. И тем не менее одного взгляда на Изабеллу оказалось достаточно, чтобы растопить ледяной барьер.

В его жизни была лишь работа, долг, который неуклонно следовало выполнять. Именно эти обязанности привели его в Лондон. Именно их он должен был исполнять в тот вечер, а не танцевать с Изабеллой Фэрмонт.

Но она выглядела столь потрясающе прекрасной, что устоять было невозможно. В сиреневом шелковом платье, очень простом и почти не украшенном, Изабелла предстала перед ним, затмевая толпы разодетых в пух и прах красоток, так и льнувших к знаменитому графу Блэку. Она выглядела изящной и элегантной, ее волосы ниспадали пышным каскадом золотистых локонов. Ему очень нравилось, когда она убирала так свои кудри, и он мог насладиться видом ее длинной, стройной шейки, украшенной высоким ожерельем из аметистов и бриллиантов. Он жаждал поцеловать нежную голубую жилку, трепещущую под прозрачным покровом ее кожи, окутанной ароматом духов. Почувствовать биение ее сердца на своих губах. Ее тело в своих объятиях… ее охваченную страстью плоть. Сумасшествие.

Равно как и его пребывание здесь в темноте, в мрачном убежище городского дома, в ожидании появления в соседнем окне ее едва различимой фигурки. Блэк улыбнулся, подумав о том, как она сидит сейчас, поджав ноги, на диванчике и взволнованно записывает в своем дневнике.

Он уже видел ее такой, быстро выводящей что-то в своей тетради: ветер растрепал ее локоны, туман клубился вокруг. Но это было в другом месте и в другое время. Блэк не мог позволить, чтобы Изабелла узнала о том, как он наблюдал за ней.

Она обладала слишком живым воображением, и это представляло определенную опасность. Невозможно предугадать, что случится, если Изабелла разузнает что-нибудь о нем. В самом деле, она пугающе проницательна и восприимчива, а он так раскрылся перед ней сегодня.

Блэк не жалел о тех минутах в лабиринте, жажда обладания ею внезапно стала невыносимой. Изабелла молода… и невинна. Он значительно старше, опытнее, знаток и ценитель всего запретного. Да он не имел права даже смотреть на нее, не говоря уже о том, чтобы целовать! И даже сознавая опасность подобных действий, Блэк понимал, что непременно придет к ней опять. *Скоро*.

– Милорд, за вами посылали.

Он не услышал, как открылась дверь в его спальню.

Факт, который мог, несомненно, встревожить его, однако Блэк был не в силах предаваться угрызениям совести. Его слишком занимали воспоминания о танце с восхитительной и желанной Изабеллой Фэрмонт.

Биллингс, один из совсем небольшого штата его слуг, едва слышно прошествовал по толстому турецкому ковру.

– Я велел экипажу подождать. Подготовить вам новый костюм и галстук, милорд?

– Нет, благодарю тебя, Биллингс. – Блэк взглянул в угол комнаты, где, посапывая у камина, расположился его палевый английский мастиф Лэмб. – Выведешь его на улицу, Биллингс? – В окне Изабеллы мелькнула тень, и взгляд Блэка устремился к едва заметному силуэту, словно мотылек к огоньку свечи. – О нет, я передумал, справлюсь и сам.

– Как пожелаете, милорд, – пробормотал верный слуга и, пятясь, поспешил к выходу.

– Меня вызывает кто-то из Братства, не так ли?

– Да, милорд. На дверях кареты герб Сассекса.

Блэк фыркнул, раздосадованный необходимостью покинуть свой пост у окна и упустить шанс увидеть Изабеллу, одетую в прозрачное ночное одеяние, с распущенными, разметавшимися по плечам волосами.

– Полагаю, карета ожидает меня на улице?

– Да, милорд.

– Что ж, придется подождать, поскольку, прежде чем я смогу уйти, мне необходимо уладить еще одно дело.

Щелкнув пальцами, он разбудил своего питомца и жестом приказал следовать за ним. Быстро нацепив на себя брюки и рубашку, Блэк ступил в темноту, спустился по винтовой лестнице и отправился на кухню, откуда вел черный ход в сад. Он прекрасно знал, куда идет и что ему нужно.

Так же как и Лэмб.

Оказавшись в холодной темноте осеннего сада, мастиф помчался скачками, преследуя кролика, осмелившегося появиться на его территории. Блэк же пошел по дорожке, ведущей к розовому кусту, на котором виднелся один-единственный бутон, раскачивающийся из стороны в сторону на длинном стебле, храбро противостоя порывам ледяного октябрьского ветра.

Он осторожно сорвал стебелек и поднес нежный бутон к лицу. Цветок обладал опьяняющим ароматом, и Блэк на мгновение застыл с закрытыми глазами, вдыхая сладкое благоухание. Изабелла пахла розами. Этот запах не выходил у него из головы всю ночь, с той самой минуты, как он поцеловал ей руку, когда их представляли друг другу.

Блэк знал очень немного вещей, в которых был бы уверен на сто процентов. Однако одна из двух непреложных истин – он хотел ее. Другая – столь же четкое осознание того, что он обязательно найдет способ ее заполучить.

– Наши самые страшные страхи сбываются, – раздался голос позади него.

– Мы слишком многого опасаемся с тех пор, как на нас возложили миссию Братства Хранителей, – ответил Блэк, ловя последний миг наслаждения ускользающим образом Изабеллы.

– Полагаю, ты понимаешь, что я здесь по делу, которое не терпит отлагательств.

Следуя многолетней привычке, Блэк скользнул взглядом по темным углам осеннего сада. Не существовало ни одного в полной мере безопасного места.

– Я увижусь с тобой в ложе, и мы сможем все обсудить там.

– Я уже убедился, что сад безопасен, – недовольно попенял Сассекс. – Ты можешь встретиться со мной сейчас.

Раздраженный гневными нотками, которые расслышал в обычно спокойном голосе Сассекса, Блэк развернулся, позволяя гостю заметить свирепую вспышку в своих глазах.

– Что тебе угодно, Сассекс? Я полагал, мы уже давно решили, что часто показываться в компании друг друга неразумно. Ты разве не помнишь заповеди Братства?

– Черт бы тебя побрал! Я помню их так же хорошо, как и ты!

– Тогда почему ты здесь? Я думал, мы обо всем договорились перед отъездом из Йоркшира.

– Они пропали.

Медленно вращая бутон розы в руках, Блэк вдыхал тонкий аромат, окутывавший его, словно облако.

– Что пропало?

– Чаша и медальон.

Глаза Блэка сузились, и даже волоски на его шее тревожно вздыбились.

– Забрав реликвии из Йоркшира, мы спрятали их так, чтобы никто и никогда не нашел, только нам троим известно о катакомбах под зданием ложи. Как они могли пропасть?

– Откуда я, черт возьми, знаю? – вспыхнул Сассекс. – Когда мне стало известно, что во время своего путешествия в Иерусалим Уэнделл раскопал несколько артефактов из храма Соломона,[7] я забеспокоился, предположив, что он, возможно, обнаружил какую-то информа-

[7] Имеется в виду так называемый Второй Иерусалимский храм, построенный вернувшимися из вавилонского изгнания иудеями и разрушенный римлянами в 70-х гг. н. э. В Средние века, во время существования Иерусалимского королевства крестоносцев, храмом Господним (храмом Соломона) именовался так называемый «Купол скалы». Он, а позднее дворец иерусалимского короля были построены на территории Храмовой горы, там же, где стоял разрушенный римлянами Иерусалимский

цию относительно реликвий. Естественно, я отправился удостовериться в том, что чаша и медальон по-прежнему спрятаны под часовней тамплиеров. Однако их уже не было.

– И что я должен с этим делать? – проворчал Блэк.

Ему никогда не хотелось иметь отношение к защите легендарной чаши и медальона. Однако и Сассекс, и он оказались в числе тех, кому была поручена охрана реликвий. Отец Сассекса спрятал чашу, отец Блэка – медальон. Оба артефакта не принесли ничего, кроме горя и смерти, обоим семьям с тех пор, как их предки-тамплиеры вернулись из Святой земли, захватив с собой реликвии. На их долю выпала обязанность держать легендарные памятники сокрытыми от мира и нечистых помыслов.

«*Никогда не рассказывай о том, что знаешь. Никогда не говори, кто ты. Никогда не теряй веры в свое предназначение, ибо Грядущему Царствию понадобишься ты и сыновья твои*».

Эти строчки стали заклинанием, священной молитвой и проклятием его семьи, равно как и семьи Сассекса. Слова, в буквальном смысле вписанные в его плоть, навеки запечатлевшиеся в его душе. Блэк никогда не забудет об этом, ибо он такой, какой есть. Каким будет всегда. Каким станет однажды его сын.

– Ты забыл, что мы поклялись совместно приложить все усилия, чтобы спрятать реликвии от человечества. И если кто-нибудь обнаружит их, если кому-нибудь станет известно их подлинное предназначение…

– Я прекрасно себе представляю, что может случиться, Сассекс. Просто не могу в это поверить.

Вера его умерла много лет назад вместе с желанием заботиться о фамильном наследии.

– Не важно, во что ты веришь. Мы обязаны отыскать артефакты и удостовериться в том, что никто не проведал об их силе. Я уже вызвал Элинвика. Он прибудет со свитком.

– Я знаю, видел маркиза сегодня на вечере у Стоунбруков. Во всей своей варварской горской красе. Собравши еся пожирали его глазами. Элинвик непременно устроит какое-нибудь скандальное происшествие, и в свете пойдут разговоры. Едва кому-то станет известна его связь с любым из нас, поползут слухи, особенно если Найтону удалось разузнать в Иерусалиме что-нибудь о наших предках.

Сассекс пожал плечами:

– Элинвик – часть всего этого, ведь так? И мы нуждаемся в его знаниях древности. Маркиз имеет полное право здесь находиться, чтобы помочь нам в поисках чаши и медальона.

Мнение Сассекса сложно было оспорить. На Элинвика и его предков возлагалась обязанность оберегать сохранность древнего сакрального текста и держать его как можно дальше от чаши и медальона. Сам текст, представлявший собой древнюю рукопись, являлся третьим артефактом, вынесенным из храма Соломона их предками-тамплиерами.[8] Мистический свиток хранил в себе пророчества и алхимические тайны, сведения о том, как высвободить магическую силу, рожденную от соединения чаши, медальона и самой рукописи. Существовало пророчество, будто тому, кто сможет завладеть всеми тремя реликвиями и воспользоваться их объединенной силой, суждено обрести власть над миром. Блэк никогда не верил в эти легенды. Но однажды, держа в руке медальон из черного оникса со странными символами, выгравированными золотом, он всерьез задумался: а что, если эта реликвия, которую его предки передавали из поколения в поколение, от отца к сыну, не обладает никакой силой? И внезапно ощу-

---

храм. Главная резиденция тамплиеров располагалась в южном крыле дворца, откуда и пошло само название ордена – орден рыцарей храма Соломона.

[8] Существует немало преданий о знаменитых сокровищах тамплиеров из храма царя Соломона. Особенно эта тема нашла отражение в мистическом учении франкмасонов. Больше всего внимания уделяется чаше – вероятно, легендарной чаше Святого Грааля. В христианской символике чаша – сосуд, в который Иосиф Аримафейский собрал кровь Христа, пригвожденного к кресту. Грааль символизирует добровольную жертву и искупление.

тил что-то… услышал… странный голос обольстительно нашептывал ему, суля могущество и власть, которые он мог бы обрести.

Блэк тогда был погружен в скорбь, ангел смерти преследовал его по пятам, трижды приходя за его близкими.

Граф решил, что случившееся с ним порождено лишь разочарованием и горем. Однако сейчас, десять лет спустя, он всерьез задался вопросом: обладает ли медальон магической силой?

– Вскоре все заговорят о сокровищах тамплиеров, – напомнил ему Сассекс, – и нам понадобится помощь Элинвика, чтобы оградить Лондон от опасности, грозящей ему в том случае, если тот, кто похитил медальон и чашу, проведает об их магической силе.

– Оградить от опасности, – пробормотал Блэк, возведя глаза к небу и думая об Изабелле. – Смерть неотступно следует за мной, Сассекс. Никого невозможно оградить от моего семейного проклятия.

– Мы все прокляты, – горько заметил Сассекс. – Но вряд ли это имеет сейчас значение, так?

– Согласен с тобой.

Слегка дрожащей рукой Сассекс поправил черную копну волос.

– Завтра прибывает корабль из Иерусалима. Будь в доках, чтобы разузнать, что раскопал Найтон. И немедленно сообщи мне, если что-нибудь обнаружишь. Мы должны действовать очень осторожно, Блэк.

– Разве я когда-нибудь поступал иначе?

– Например, сегодня вечером.

Граф взглянул на Сассекса.

– Тебя можно обвинить в том же.

– Я всего лишь следил, чтобы какое-нибудь досадное неудобство не стало причиной раскрытия нашей тайны.

Блэк рассмеялся, однако в его смехе сквозили усталость и обеспокоенность.

– А, значит, ты называешь Люси Эштон «досадным неудобством»?

В глазах Сассекса мелькнули негодование и обида.

– Не беспокойся о ней, это моя проблема, и я сам с ней справлюсь, – возмущенно ответил герцог, и Блэк почувствовал в его словах собственнические нотки.

– Ты без ума от Люси.

– Конечно же нет.

– Твой тон свидетельствует об обратном.

– Это всего лишь раздражение, Блэк. Юная леди слишком умна и активна, что совсем ей не на пользу, – проворчал герцог. – Я не могу позволить ей пойти на поводу у своего любопытства и узнать об артефактах или моей вовлеченности в это дело.

– И что позволяет тебе думать, будто ей известно что-нибудь о наших реликвиях?

– Она постоянно забрасывает меня вопросами о Братстве и Великой ложе.[9] Леди без ума от масонских таинств и, боюсь, вполне может проведать о том, что наша семья использовала франкмасонство, дабы сохранить тайные знания и реликвии, полученные после разрушения храма Соломона. Мисс Эштон жаждет новых сведений, и это меня пугает. Боже правый, она даже начала посещать спиритические сеансы. Невозможно себе представить, на что готова пойти эта упрямая леди, чтобы утолить свою жажду знаний.

[9] Масонство организовано таким образом, что во главе его нет единой управляющей организации, а имеются лишь отдельные общества – так называемые ложи. Великая ложа (Великий восток) – руководящий орган, объединяющий местные масонские ложи, контролирующий и регулирующий их деятельность в рамках отдельного географического региона.

– Уверен, ты настолько очаровал мисс Эштон, что ее страсть к разгадыванию тайн несколько поутихнет.

– Я ее не интересую, – произнес Сассекс с болью обиды и разочарования.

Как ни странно, Блэк нашел в этом некоторое утешение. Страдания всегда легче переносятся в обществе собрата по несчастью, а граф понимал, что его страсть к Изабелле столь же безнадежна, как и Сассекса к Люси.

– Увлечение сверхъестественным – лишь игра для нее, Сассекс. Не забывай, спириты нынче в моде, а леди Люси Эштон всегда слыла одной из законодательниц светских увлечений. Полагаю, все это – не более чем невинное любопытство и лекарство от скуки. Поверь мне, юной леди вряд ли удастся сделать неожиданные открытия.

– Ах так? – Сассекс сунул руку в карман своего сюртука и достал оттуда нечто, быстро подхваченное Блэком.

Разжав пальцы, граф внимательно всмотрелся в золотую монету, лежавшую у него на ладони.

На аверсе красовалось изображение лаврового венка и лиры. На реверсе – шестиконечная звезда, вокруг которой вдоль всего внешнего края монеты шли слова: «Дом Орфея».[10] Нахмурившись, Блэк изучал монету, размышляя, где же он мог видеть ее прежде. Было в ней нечто для него очень знакомое.

– Ты все еще пребываешь в убеждении, что нам не о чем беспокоиться? – отрывисто произнес Сассекс. – Я же предупреждал тебя в Йоркшире, что кто-то охотится за чашей и медальоном. Я это *чувствовал*.

Блэк резко поднял голову.

– Что это?

– Я нашел это в ридикюле Люси Эштон. Ты по-прежнему думаешь, что все хорошо?

Блэк вовсе не имел желания спрашивать, какого черта Сассекс рылся в сумочке Люси, однако монета и ее зловещий смысл заинтересовали его.

– Я припоминаю подобное – не в прошлом, нет. Я видел это совсем недавно, – пробормотал граф. – Изображение изменилось, но не слишком.

– Ты помнишь «Дом Орфея» и того мерзавца, который там всем заправлял?

Такое вряд ли забудешь. Отцы Сассекса и Элинвика, вместе с его собственным отцом, однажды уже положили конец преступной деятельности этого тайного клуба, созданного в подражание печально знаменитому Клубу адского пламени,[11] существовавшему в прошлом столетии. Возглавлял «Дом Орфея» масон, предавший клятвы и вступивший на путь зла, и, что гораздо хуже, бывший одним из *них*. Он – четвертый тамплиер, тот самый, предок которого устроил предательское нападение на троих своих собратьев-храмовников, остановившихся на отдых перед тем, как покинуть пределы Святого города вместе с похищенными артефактами. Тот тамплиер был убит, по крайней мере, так решили трое оставшихся. Они верили, что их тайна надежно спрятана и навеки позабыта со смертью четвертого храмовника. Однако после того, как стало известно о «Доме Орфея», их отцы напрямую столкнулись с существованием таинственного некто, знающего о них и тех реликвиях, которые они охраняли. Более того, сознающего магическую силу и власть сокровищ тамплиеров. Этот человек предпринимал

[10] Орфей – древнегреческий герой, певец и музыкант. После смерти своей супруги – дриады Эвридики – спустился за ней в ад. Был растерзан разъяренными вакханками, и миф о его гибели лег в основу эзотерических орфических культов. Миф об Орфее также имел отношение к идеологии масонства; известно существование ложи, названной его именем.

[11] Клуб адского пламени (англ. Hellfire Club) – организация, известная исторически. Так называлось несколько закрытых аристократических обществ вольнодумцев в Англии и Ирландии в XVIII в. Их девизом была раблезианская фраза: «Делай что желаешь». Ходили слухи, будто члены клубов тайно поклонялись темным силам и являлись приверженцами сатаны, однако в действительности все преувеличено.

попытку прибрать к рукам реликвии двадцать лет назад, очевидно, кто-то желает заполучить артефакты сейчас. Возможно, даже этот или эти некто уже завладели ими.

– Наши отцы разгромили проклятый клуб много лет назад. «Дом Орфея» не мог возродиться спустя столько времени.

– Черт бы тебя побрал, Блэк, одного твоего желания, чтобы его не было, недостаточно для его исчезновения. Веришь ты или нет, клуб существует. Вместе с монетой я нашел и листок бумаги. На нем написано: «Ты умер и рожден заново. О, трижды благословенный, ибо случилось это в тот же самый день. Передай Персефоне,[12] что Орфей отпустил тебя».

Блэк замер, потрясенный.

– Это же фраза из ритуала посвящения!

– Да. Кто-то узнал о нас. Слишком много общего, чтобы быть простым совпадением.

– Кто? – гневно задал вопрос Блэк. – Кто мог разведать о том клубе и возродить его? Кто, кроме нас, мог знать о реликвиях или о том, что катакомбы под помещением масонской ложи ведут к крипте храма тамплиеров? Наши отцы позаботились о том, чтобы эти сведения навсегда остались тайной. Возможно, новый «Дом Орфея» не имеет никакого отношения к нашим реликвиям.

– Вот вопросы, ответы на которые мы обязаны отыскать. – В глазах Сассекса вспыхнуло нечто невыразимое. – Нам следует соблюдать максимум предосторожностей, Блэк. Никто не должен узнать о нас или о возложенной на наши семьи миссии.

Блэк вернул монету Сассексу.

– Ты думаешь, здесь замешана Люси, не так ли? – Господи боже, если Люси увязла в этом смертельно опасном деле, то, вполне вероятно, Изабелла также имеет к нему отношение.

Убрав монету в карман, Сассекс взглянул на небо, на луну, скрывшуюся за темное, мрачное облако.

– Я уже и сам не знаю, во что мне верить. Однако, если клуб возродился, а реликвии утеряны, мы столкнемся со значительно большей проблемой, чем я даже могу предположить.

– Утром я отправлюсь в доки и разыщу корабль.

– Элинвик встретится там с тобой. Я продолжу расследовать обстоятельства, связанные с монетой. Мы переговорим на следующем собрании масонской ложи. Однако потом нам необходимо встретиться наедине и обсудить все, что удастся узнать.

Блэк кивнул и проследовал за Сассексом. Лэмб ожидал их на тропинке, свесив из пасти огромный язык. Пес был страшен, как демон, в его имени заключалась определенная доля иронии,[13] однако собака служила Блэку некоторым утешением и развлечением. Неожиданно графу пришла в голову мысль: а что бы подумала Изабелла о его питомце? Добрая и любящая, девушка, несомненно, отнеслась бы к Лэмбу со страстной привязанностью. Странно, но порой совсем обычные вещи внезапно заставляли его вспоминать Изабеллу. Оказалось достаточно всего лишь одного танца…

Сассекс потянул Блэка за рукав рубашки, когда граф наклонился, чтобы потрепать пса по голове.

– Придумай способ держать Найтона поблизости от себя. Я ему не доверяю.

Перед внутренним взором Блэка предстал образ Уэнделла Найтона. Наглец ухаживал за Изабеллой, и факт этот приводил его в бешенство. Ему хотелось порвать молодого археолога на части, а не распивать с ним чай. В одном Блэк был уверен: он не станет водить «дружбу» с Найтоном, пока глупец пытается завоевать сердце Изабеллы. Существовали определенные

---

[12] Персефона – в греческой мифологии правительница царства мертвых, супруга Аида. Согласно мифу, именно она упросила Аида вернуть супругу Орфея, Эвридику, в мир живых. Она же предупредила Орфея, чтобы тот не оборачивался, когда будет выводить жену из царства мертвых. Орфей ослушался предупреждения, и Эвридика вынуждена была вернуться в Аид.

[13] В переводе с английского кличка пса означает «ягненок».

пределы тому, что граф мог вынести, но наблюдать за влюбленной в Найтона Изабеллой – выходило за пределы.

– Дай мне слово, что будешь держать его при себе живым.

– Конечно, – протянул Блэк. – Но ты помнишь, я проклят. Смерть вокруг меня.

Его настиг мрачный взгляд Сассекса.

– Смерть преследует всех нас. Будем надеяться, что на этот раз за нами небольшое преимущество.

– Сассекс, – заметил Блэк, – несколько дней назад я где-то видел то же самое изображение, что нанесено на монету. Я никак не могу вспомнить где, однако постараюсь восстановить в памяти все, что делал, и, возможно, это наведет меня на правильный путь. Я дам тебе знать.

Герцог кивнул, взъерошив рукой волосы, а потом внимательно окинул его взглядом своих серых глаз.

– Я беру с тебя слово, что, если ты обнаружишь какую-нибудь связь между мисс Эштон и этим клубом, сохранишь все в тайне. Репутация Люси… то есть… мисс Эштон ни при каких условиях не должна пострадать.

Сассекс удалился, растворившись в окутывающих садик тенях и призрачном свете освещавшего улицу газового фонаря. Взглянув на свою руку, Блэк поднес розовый бутон к лицу, задумавшись о монете и странным образом знакомом изображении на ней. Где же он его видел? Однако аромат розы практически немедленно заставил его напрочь позабыть о Сассексе и таинственных артефактах тамплиеров, унося прочь от реальности мысли, к волшебным мгновениям танца с Изабеллой.

– Последняя роза лета, – прошептал он с отсутствующим видом, касаясь пальцами ее бархатистых лепестков, уже вполне представляя себе, что собирается сделать.

– Мисс Фэрмонт, – провозгласила Энни, горничная Изабеллы, застыв у дверей спальни. – Явился джентльмен и просит увидеться с вами. Я проводила его в дальнюю гостиную, от него воняет похуже, чем от Темзы.

Взглянув на стоявшие на ее конторке часы палисандрового дерева, Изабелла удивленно вскинула брови. Всего лишь одиннадцать.

– Немного рановато для приема гостей, – простонала Люси и вновь повалилась на груду подушек. – Интересно, понимает ли мистер Найтон, что для визитов существует четко предписанное время и эти предписания никак не распространяются на раннее утро, когда леди не успели еще позавтракать и одеться?

– Должна ли я отослать его, мисс?

– Нет, – объявила Изабелла, поднимаясь из кресла в полупрозрачном облаке белого атласа и кружев. – Помоги мне снять ночной наряд, Энни. Я быстро оденусь и вскоре буду готова его принять.

– Я сейчас же вернусь, мисс. Позвольте мне только объявить джентльмену, что вы дома.

Едва за Энни захлопнулась дверь, Люси нетерпеливо воскликнула:

– Мужчины! Им хорошо известно, как испортить утро, еще совсем недавно замечательное во всех отношениях, правда? Я была так захвачена твоей историей, Исси. А теперь должна ждать, прежде чем услышу, что случилось с героиней, присевшей на скамью и ощутившей на себе соблазнительный взгляд Лорда Смерти.

Изабелла заглянула в открытый дневник. Ровные строчки, написанные ее рукой, содержали нечто большее, чем просто историю Смерти и его таинственной леди. Они таили в себе воспоминания о прошлом вечере, проведенном в лабиринте с лордом Блэком, которому каким-то образом удалось проникнуть на страницы ее нового романа.

Закрыв обложку, Изабелла защелкнула маленький замочек и спрятала ключ в изящном браслете из черного гагата, который носила на запястье. Она доверяла Люси и знала, что в

ее отсутствие та не будет подсматривать в личные записи кузины, однако не могла позволить повториться неприятному происшествию, случившемуся прошлым вечером. И хотя Изабелла сознавала, что еще не влюблена в Уэнделла, она очень его ценила и не желала рисковать возможным предложением руки и сердца. Кроме того, ей совсем не хотелось, чтобы тот узнал, что она встречалась наедине с лордом Блэком, позволив ему запретные ласки и наслаждаясь ими. «Не просто наслаждалась, – признала Изабелла, – а мечтала о следующей встрече, мысленно позволяя возмутительные и скандальные вещи, о коих леди хорошего происхождения и здравого рассудка не могла и помыслить».

Но она продолжала мечтать во сне и наяву. Всю ночь. Сон ее был прерывист, грезы чувственны, обретая все более мрачный и опасный характер. Ей приснился Блэк, и этим утром Изабелла уже расплачивалась за безрассудство ночной страсти головной болью, всегда мучившей ее после тяжелых снов. Однако Белла все-таки надеялась, что сны прошлой ночи не относятся к *тем самым*, тревожащим ее с двенадцатилетнего возраста.

– Я спущусь к нему вместе с тобой, – заявила Люси, переворачиваясь на бок и выскальзывая из постели. – Я позову Сибиллу и встречусь с тобой внизу.

При упоминании о Сибилле, горничной Люси, Изабелла почувствовала необходимость задать вопрос: «Удалось ли Сибилле организовать для тебя участие в еще одном сеансе?»

Зеленые глаза Люси сверкнули изумрудным блеском.

– О, Сибилла разделяет мой глубокий интерес к мистике и спиритизму. И меня абсолютно не волнует ее неспособность придать моим волосам подобие приличной прически, ибо она способна отыскивать для меня самые потрясающие развлечения. Уж не знаю, откуда она добывает сведения об этом – не мне спрашивать, поскольку Сибилла занимает меня вот уже целый месяц.

– Люси… – предупредительно заметила Изабелла, – ты пытаешься избежать вопроса.

– Ох, хорошо, да. Сегодня будет сеанс, и знаешь где? Ах, это обещает быть просто восхитительным! – воскликнула Люси, подбегая к ней, беря за руки и взволнованно пожимая. – Только представь себе, Исси, на Хайгейтском кладбище![14] Вначале мы устроим наш сеанс, а потом, в полночь при полной луне, отправимся на прогулку среди надгробий и мавзолеев и, возможно, даже повстречаемся с призраками! Медиумом будет Алиса Фокс, родственница знаменитых сестер Фокс.[15] Так что, ты понимаешь, не пойти туда просто стыд и срам! Ох, я едва могу дождаться.

– Дядюшка запретит тебе. – Изабелла готова была искренне возблагодарить небеса за это, поскольку не имела ни малейшего желания провести ночь на Хайгейтском кладбище, с кем-либо имеющим прямое или косвенное отношение к трем сестрам, ответственным за повальное увлечение всего Лондона спиритизмом.

– Папа будет сегодня на собрании масонской ложи. Так что об этом не узнает.

– Люси… – начала Изабелла, не в силах собраться с мыслями из-за усиливающейся головной боли.

– Сегодня в ложе будет обряд посвящения, я слышала, как папа говорил об этом камердинеру. Ты же знаешь, когда они устраивают этот обряд, маркиз обязан находиться в ложе всю ночь. Он даже не догадается о том, что мы выходили из дома, а вернемся мы задолго до его утреннего появления.

Изабеллу внезапно охватил приступ панического ужаса, голова продолжала пульсировать невыносимой болью. На первых порах интерес Люси к спиритизму не выходил за рамки праздного развлечения и никоим образом не тревожил кузину. Мистицизм и мистики были

---

[14] Хайгейтское кладбище – знаменитое лондонское кладбище, известное своим оккультным прошлым.

[15] Сестры Фокс – исторические личности – три сестры (Кейт, Маргарет и Лия) из Нью-Йорка, сыгравшие ключевую роль в становлении и развитии спиритуализма.

в моде, и Изабелла полагала, что Люси всего лишь следует всеобщему увлечению. Однако со временем Белла стала подмечать в ней все больше и больше перемен. Она уже не была такой же веселой и улыбающейся, как прежде. Все разговоры сводились к сеансам, встречам спиритов и тому подобному бреду, в который Изабелла даже не хотела вмешиваться. Кого или чего искала Люси, погрузившись в этот мистицизм? Очень плохое предзнаменование – призывать умерших или самого бледного Господина с косой.

Изабелла устала бороться с интуитивными предчувствиями. Она давно заметила, что увлечение Люси сеансами совпало с появлением в доме около месяца назад новой горничной Сибиллы и благодаря случайному стечению обстоятельств началом ухаживаний мистера Найтона.

– Люси, – мягко произнесла Изабелла, пытаясь подобрать правильные слова. – Может быть… так случилось… ты чувствуешь себя одинокой?

– О нет! – фыркнула та, однако Изабелла успела заметить, как расширились ее глаза. – У меня столько забот, что ни о каком одиночестве не может идти и речи.

– Ты бы рассказала мне, ведь правда, если… если бы…

– Господь с тобой, Изабелла, я прекрасно себя чувствую. А теперь позволь мне одеться и спуститься вниз, чтобы выпить чаю с твоим мистером Найтоном. Воодушевляющая беседа о содержимом старых пыльных ящиков из Иерусалима – именно то, в чем я нуждаюсь, чтобы взбодриться с утра пораньше.

– Люси, пожалуйста, не подшучивай над мистером Найтоном. Он действительно очень гордится тем, что ему удалось открыть тайную гробницу под храмом. Ты знаешь, что его научные труды были опубликованы во всех известных исторических журналах?

– Знаю, – лениво протянула Люси, – и восхищаюсь его открытиями и привезенными находками. Честно, – сказала она с улыбкой.

Изабелла насмешливо высунула язычок, и Люси громко фыркнула, издав совсем не приличествующий леди смешок.

– Ну хорошо, хорошо, с трудом себе представляю, как мне удастся сохранить бодрость духа и не уснуть, хуже того – позорно всхрапнуть, если он в очередной раз примется развлекать нас рассказами о своих приключениях на Святой земле. Правда, Исси, сколько уже раз ты обо всем этом слышала?

– Несколько, – призналась она, – но меня утешает тот факт, что мистер Найтон вполне способен самостоятельно поддерживать беседу. Я уверена, нам не придется сидеть по обе стороны обеденного стола и смотреть друг на друга в гробовой тишине.

– Ах, Исси, – прошептала Люси, – я все больше убеждаюсь в том, что готова предпочесть пару минут тишины в компании мистера Найтона еще одной истории о Святой земле.

– Люси!

Кузина высунула язычок в ответ и успела наклониться, увернувшись от подушки. За насмешками Люси скрывалась нелицеприятная истина. Довольно сложно смеяться или даже просто вежливо улыбаться одной и той же шутке, которую тебе рассказывают в течение месяца. Определенно должно случиться что-нибудь очень важное или волнующее, чтобы разговоры мистера Найтона перестали быть столь… однообразными.

Изабелла сразу почувствовала что-то неладное. Уэнделл мерил паркет гостиной длинными взволнованными шагами. Он снял шляпу и держал ее в сомкнутых за спиной руках. Его темно-каштановые волосы были взъерошены, некогда аккуратный костюм-визитка помят.

В воздухе гостиной витал сильный запах рыбы, морских водорослей и корабельного трюма, негативно действуя на ее голодный желудок и больную голову.

– Уэнделл, – тихо окликнула его Изабелла, закрывая за собой дверь гостиной.

Он прекратил упражнения в ходьбе и обернулся, чтобы взглянуть на нее. Улыбнувшись, молодой человек бросил шляпу на розовый диванчик, в три шага настиг юную леди, обнял за талию и закружил по комнате с совсем нехарактерной для него стремительностью и искренней радостью.

– Боже мой! – едва переведя дыхание, воскликнула Изабелла и рассмеялась. – В тех ящиках, должно быть, скрывались настоящие сокровища.

Его карие глаза горели невиданным оживлением, когда он наконец опустил ее на пол.

– Вы видите перед собой новоявленного кандидата в члены Великой ложи Лондона.

Изабелла приоткрыла рот.

– Мой дядя…

– Нет, Блэк, – объявил Уэнделл, усевшись на диванчик и закинув ногу на ногу. – Этим утром в доках я случайно столкнулся с лордом Блэком. Мы немного поболтали, и он пригласил меня вступить в ложу. Он согласился стать моим поручителем, Изабелла. Я едва могу поверить. Масон. Член Братства.[16]

Найтон хлопнул в ладоши и издал восторженный возглас. Изабелла не могла не заметить, как он молод и привлекателен сейчас, освещенный лучами утреннего солнца, весь сияющий от радости.

– Сегодня будет мое первое собрание. Не могу дождаться. Вы прекрасно осведомлены о моем глубоком интересе к истории тамплиеров, и не секрет, что франкмасоны, по крайней мере ложа Блэка, практикуют ритуалы рыцарей-храмовников. Ходят слухи, будто именно эта ложа была открыта вольными каменщиками, происходящими по прямой линии от самих тамплиеров!

– Должно быть, произошло нечто волнующее, – заметила Люси, появляясь в гостиной в изящном утреннем платье цвета морской волны. – Я услышала ваш энтузиазм еще в коридоре.

Уэнделл встал и поклонился:

– Доброе утро, миледи. Прошу простить за столь неурочный час моего визита, однако я был не в силах сдержаться.

– Что ж, вполне понимаю почему. Изабелла выглядит просто потрясающе в этом бледно-розовом платье. Волшебное, неземное создание, вы не находите?

Широкая улыбка Уэнделла увяла, стоило ему бросить взгляд в сторону кресла, где сидела, попивая чай, дама его сердца. Ее стройную фигуру облегало прелестное платье с очаровательным лифом из розового плиссированного шелка, украшенного высоким кружевным воротником цвета небеленого полотна. Немного экстравагантно, но, безусловно, прекрасно. Лиф искусно подчеркивал ее полную грудь, пышная, присборенная со всех сторон розовая верхняя юбка из шелковой камчатной[17] ткани была отделана тяжелым бархатом. Этот туалет подходил скорее благородной великосветской леди, а не бедной йоркширской девчонке. Надевая подобные наряды, Изабелла ощущала себя очень неловко, а ведь Люси сшила платье специально для нее – еще одно произведение ее портновского искусства. У кузины определенно хорошее чутье на модные фасоны и исключительное мастерство превосходной швеи. Люси слыла настоящей законодательницей моды и стиля. Каждая дебютантка, равно как и светская дама, жаждала узнать имя модистки, одевавшей мисс Эштон в столь прекрасные и неординарные наряды. Никто и не догадывался, что это она сама. Факт, который, несомненно, потряс бы общество. Ни одна светская дама не снизошла бы до того, чтобы самостоятельно шить себе наряды, – это считалось уделом низших сословий. Изабелла не понимала, к чему все эти китайские церемонии, учитывая, что безупречный вкус кузины и ее гениальные фасоны пре-

[16] Масоны называли себя «Братством вольных каменщиков», основными принципами которого были универсальность знаний и равенство всех братьев, членов ложи.

[17] Камчатная ткань или камка – шелковая, похожая на атлас материя с двухсторонним декором, в которой техникой переплетения нитей создается переливчатый эффект блестящего узора на матовом фоне либо матового рисунка на блестящем поле.

восходили все виденное ею у дамских портных и белошвеек, обшивавших сливки лондонского общества. С другой стороны, раньше она никогда не могла себе позволить подобных вещей. Живя в Йоркшире, девушка чувствовала себя счастливой, если ей удавалось обзавестись теплым плащом без дыр. Что случалось довольно редко. Мужской кашель прервал ее размышления. – Ох да, да, – поспешно согласился Уэнделл. – Пребывая в жутком волнении, я попросту забылся. Вы выглядите сегодня превосходно, мисс Фэрмонт. Розовый цвет вам очень к лицу.

Она протянула ему чашку и блюдце из веджвудского фарфора[18] столь изящной и деликатной работы, что сквозь тончайшие матовые стенки можно было увидеть солнечные лучи, проникавшие в высокие окна гостиной.

– Не беспокойтесь понапрасну, мистер Найтон. Мое тщеславие вполне способно пережить это утро и без излишних комплиментов.

Изабелла послала Люси предупреждающий взгляд, который кузина, естественно, проигнорировала. Погрузившись в соседнее кресло, она потянулась за чашечкой чая, сделала маленький глоток из нее, осторожно поставила на блюдце с едва слышным мелодичным звяканьем.

– Вы обязаны рассказать нам, что же настолько вас взволновало, мистер Найтон.

– Меня должны посвятить в Братство, миледи. Масонское братство, – пояснил он со смесью гордости и благоговения.

– О, и в самом деле? – заинтересовалась Люси. – Мой батюшка предложил вам свое поручительство?

– По правде сказать, нет. Это сделал лорд Блэк.

– Блэк? – переспросила Люси, и ее рыжие брови слегка приподнялись, когда она взглянула на Изабеллу.

Уэнделл отпил еще чаю и кивнул.

– Да, лорд Блэк. Очень дружелюбный джентльмен. Сегодня должно состояться специальное собрание ложи, посвящение, к которому я еще не допущен. Однако Блэк объявит там о своем решении выступить моим поручителем.

Люси еще раз взглянула на Изабеллу.

– Что ж, в таком случае, я полагаю, вы свободны сегодня вечером, кузина.

Изабелла едва скрыла стон. Нет, только не эти сеансы! Голова раскалывалась от боли, ее подташнивало, а при мысли о том, что придется разделить нездоровое любопытство Люси, становилось еще хуже.

– О да, пожалуйста, – проговорил Уэнделл, поднимаясь с диванчика. – Пожалуйста, мисс Фэрмонт, отправляйтесь по своим делам и наслаждайтесь приятным вечером. Осталось совсем немного времени до начала зимы и окончания светских развлечений. Мои планы не должны вас беспокоить.

Изабелла приняла протянутую Уэнделлом руку и позволила ему помочь ей подняться с кресла. Он скромно поцеловал ее ручку и наклонился за своей шляпой.

– Хорошего вам дня, мисс Фэрмонт. Развлекайтесь в свое удовольствие.

Сестры взглядом проводили его до выхода из гостиной, и, когда двери за ним закрылись, Изабелла неуклюже рухнула в мягкое кресло. Она чувствовала себя… немного разочарованной, хотя сама не могла понять почему. Его визит ничем не отличался от предыдущих, она и раньше никогда не ощущала ничего, кроме облегчения, когда Уэнделл покидал дом.

Должно быть, Люси разгадала ее мысли. Твердо сжав губы, кузина стряхнула с юбок воображаемую пылинку.

---

[18] Веджвудский фарфор – знаменитая марка английского фарфора, известная с 1759 г., названная по имени основателя первой фабрики Джозайи Веджвуда. Заказчиками веджвудской посуды в разное время были многие королевские семьи Европы.

– Интересно, чего пытается достичь лорд Блэк, выступая поручителем мистера Найтона?

Изабелла сделала глоток чаю.

– Возможно, обычная любезность и благорасположение, Люси. Люди не обязательно руководствуются в своих поступках подспудными мотивами.

Люси окинула ее недоверчивым взглядом.

– Вспомни лучше наш с тобой разговор прошлым вечером, Исси. Разве я тебе не говорила, что Блэка невозможно удержать?

– Удержать от чего?

Люси загадочно улыбнулась. Она походила на шаловливого котенка.

– Ты сама прекрасно понимаешь от чего.

– Честно говоря, я *ничего* не понимаю. На что ты намекаешь? – рассерженно спросила Изабелла, не в силах сдержать возмущение.

Головная боль, не проходившая все утро, усилилась, сопровождаясь непрерывной мучительной пульсацией. Теперь Белла была уверена, что это именно *та самая* головная боль. Слегка помассировав висок, она постаралась сфокусироваться на том, что ей говорила кузина.

– Я пытаюсь донести до тебя, дорогая, что Блэк попросту убрал препятствие со своего пути.

Изабелла отняла руку от виска.

– Прошу прощения? Я упустила твою мысль.

– Он удалил от тебя Найтона, причем довольно эффективно, теперь мистер Найтон проведет в кропотливых занятиях по меньшей мере несколько недель, прежде чем получить свой первый масонский градус.[19] И соответственно, на всех светских раутах ты будешь в одиночестве, что на руку графу.

Дверь в гостиную отворилась, благополучно избавив Изабеллу от необходимости опровергать шокирующее предположение Люси. На пороге появился дворецкий Стоунбруков Дженнингс с суровым и морщинистым лицом. Очень древний, пугающе благонравный и строгий слуга. Поселившись в Лондоне у Люси и ее отца, Изабелла пришла в ужас от одного его вида. Однако с тех пор ее отношение к старому неприветливому Дженнингсу значительно смягчилось.

– Вам посылка, мисс.

Дженнингс подал ей серебряный поднос, на котором лежала прекрасная, едва распустившаяся алая роза. При помощи черной атласной ленты к стеблю была привязана карточка цвета слоновой кости.

– Мне? – переспросила Изабелла, несмотря на то что вполне могла прочесть свое имя, написанное на открытке отчетливыми черными буквами.

– Именно так, – подтвердил Дженнингс.

– Благодарю вас, – ответила она, беря с подноса изящный цветок.

О, он был совершенен. Неизвестный даритель обрезал колючие шипы и листья.

Дженнингс удалился, Изабелла, мельком взглянув на кузину, замершую в своем кресле в ожидании, взяла в руки открытку и обнаружила, что на скреплявшем ее края черном воске нет ничьей печати.

– Ну и?.. – вопросила Люси. – Я вся в предвкушении, Исси. Открывай же эту проклятую вещицу.

– Боже, следи за своим языком, – попеняла ей Изабелла, будучи столь же взволнованной, как и ее кузина.

---

[19] Градус, или степень, – уровень членства в масонстве. В классическом масонстве – три степени: Ученик, Подмастерье и Мастер.

– Да брось ты эти церемонии, – скомандовала Люси. – Ради бога, здесь нет никого, кроме меня.

Сломав восковую печать, Изабелла развернула послание и увидела черные аккуратные строчки, написанные изящным почерком:

«Цветет одиноко
Последняя роза.
Подруги погибли
Под гнетом мороза.
А свежих бутонов
Вокруг не видать,
Чтоб ими гордиться
И с ними вздыхать.[20]

Прошлой ночью я грезил о ваших вздохах, Изабелла, столь запоминающихся и прекрасных, я отчаянно надеюсь очень скоро услышать их вновь.

Ваш покорный слуга, *Блэк*».

Изабелла попыталась поспешно закрыть записку, прежде чем Люси успеет ее прочесть. Однако кузина оказалась проворнее и пробежала глазами строчки от лорда Блэка еще до того, как Изабелла спрятала послание.

– Что ж, – восхищенно протянула она, – и откуда же лорду Блэку стало известно твое страстное увлечение поэзией Томаса Мура?[21]

– Не знаю. – Изабелла озадаченно посмотрела на кузину.

Люси с улыбкой прошмыгнула мимо нее и остановилась у двери. Полуобернувшись, она заметила:

– Знаешь, Исси, готова поспорить на все свое приданое, что, в отличие от мистера Найтона, лорд Блэк вряд ли позволит тебе самостоятельно искать развлечений на вечер. Что-то мне подсказывает, он позаботится о том, чтобы держать тебя в высшей степени занятой ночи на пролет, и приготовит восхитительные забавы.

[20] Перевод А.А. Курсинского.

[21] Мур Томас (1779–1852) – знаменитый ирландский поэт-романтик. Приведенное выше стихотворение «Последняя роза лета» – его самое известное произведение, положенное на музыку композитором Дж. Стивенсоном. Вариации на тему этой мелодии есть и у М.И. Глинки.

Глава 4

Центральные лондонские улицы Пэлл-Мэлл и Кокспёр-стрит были знамениты лавочками и магазинчиками. Громыхая по неровной брусчатке мостовой, элегантные экипажи развозили своих аристократических пассажиров по модным лавкам, а деревянные тележки со свежими овощами и фруктами, поскрипывая, направлялись в сторону рынка в Ковент-Гарден.

В это время дня тротуары казались полностью запруженными многочисленными толпами лондонцев. Некоторые из них деловито спешили по своим делам, другие лениво прогуливались, останавливаясь для того, чтобы полюбоваться товарами, выставленными в витринах магазинов, или приобрести газету у одного из мальчишек-разносчиков, громко выкрикивающих на оживленных перекрестках заголовки свежих новостей.

– Волк сбежал из Лондонского зоопарка! Все еще на свободе! – истошно завопил один из мальчуганов, едва Изабелла с ним поравнялась.

– Тайна Спитэлфилдз![22] – не менее пронзительно крикнул другой. – Найдены мертвые тела! Расследуется убийство! Читайте обо всем в «Ивнинг стандард»!

Изабелла в спешке не обращала внимания на леденящие душу заголовки дневных газет, продвигаясь по Кокспёр-стрит в сторону аптеки Якобсона, самой лучшей в Лондоне. Несмотря на послеобеденный сон и огромное количество выпитого чая, головная боль не утихала. Когда она покидала дом, Люси все еще спала, поэтому Изабелле пришлось взять с собой лакея. Обернувшись, она заметила, что тот остался где-то позади, занятый беседой с пышущей здоровьем лавочницей, пытавшейся продать ему свиную вырезку и другие товары. Однако Изабелле было уже не важно, что она все больше и больше удалялась от провожатого, – в голове пульсировала острая боль, а уличные запахи вызывали приступы тошноты. Ей необходимо лекарство, единственная микстура, способная унять головную боль и прекратить кошмарные сны.

Ох, как же ей не хотелось думать о том, что они вновь настигли ее! Их не было почти несколько месяцев. Она уже думала, что излечилась. Но сегодня днем ей снова приснился тот самый тревожный сон. Проснувшись, Изабелла поняла, что все вернулось вновь. Она была уверена, что ей необходимо отправиться к Якобсону за еще одной бутылочкой целебной микстуры.

– Из «Театра Адельфи»[23] пропали женщины! – звонко выкрикнул мальчишка, рекламируя свою газету.

Несколько джентльменов остановились и окружили парнишку, просматривая заголовки. Заметив, что Изабелла застряла посреди тротуара, пытаясь обогнуть затор, разносчик протянул девушке свежий выпуск «Таймс».

– Вы прочтете все о тайне «Театра Адельфи» в сегодняшнем выпуске «Таймс», мисс.

Потянувшись к ридикюлю, Изабелла достала шиллинг и вручила парнишке.

– Спасибочки, мисс! – воскликнул он, округлив глаза. – Доброго вам денечка.

Кивнув мальчишке, Изабелла взяла из его рук газету и раскрыла ее. Просматривая заголовки, она прочла информацию об актрисах, пропавших из знаменитого лондонского мюзик-холла «Театр Адельфи».

«*Последний раз леди видели в обществе высокого джентльмена, черты лица которого скрывали широкие поля цилиндра. Очевидец заметил, как дамы вошли в черный экипаж, запряженный четверкой вороных лошадей*».

---

[22] Спитэлфилдз – район и рынок в восточном Лондоне.

[23] «Театр Адельфи» – известный театр в Вест-Энде, на улице Стрэнд в Вестминстере, западной исторической части Лондона. В описываемое в романе время специализировался в комическом и музыкальном жанрах.

У графа Блэка именно такой выезд с четверкой превосходных лошадей цвета ночи. Эта мысль заставила Изабеллу, похолодев, замереть на месте. Кажется, Люси упоминала о том, что видела, как граф покидал свой городской дом поздно ночью… и именно той ночью, когда актрис заметили входящими в черную карету.

Чепуха. Блэк – утонченный джентльмен. Какого черта ему делать в компании трех женщин, репутацию которых в лучшем случае можно охарактеризовать как сомнительную? Женщины всегда пропадали из «Адельфи» и чаще всего появлялись спустя пару месяцев с младенцами на руках, совершив небольшое путешествие в деревню.

«Глупое, чрезмерно впечатлительное воображение», – призналась она себе. Временами оно доставляло ей слишком много неприятностей. И все равно, стоило ей подумать о танце с Блэком, как тут же на память приходило вступление к ее роману. У них были одинаковые глаза – у Блэка и созданного ею образа Лорда Смерти. Оба обладали воспламеняющей кровь, таинственной, опасной и чувственно-манящей натурой. «Ну а это, – отметила Изабелла, покачав головой, – уж точно самое нелепое, абсурдное и невероятное предположение».

Сложив газету пополам, она зажала ее под мышкой и продолжила свой путь. Эти три актрисы, если их можно так назвать, вероятнее всего, решили стать содержанками какого-нибудь богатого джентльмена. Всем известно, что мюзик-холлы печально знамениты аморальными дебошами даже больше, чем музыкальными представлениями. Тем не менее лондонские улицы становились все более и более опасными.

Она завернула за угол Кокспёр-стрит и перешла на улицу Хеймаркет, где ее внимание привлек низенький, почти круглый человечек с коробкой, призывающий всех полюбоваться на чудеса, творимые известным иллюзионистом. Изабелла взглянула на небольшую толпу, уже собравшуюся вокруг зазывалы около огромной кибитки, напомнившей ей о цыганском таборе.

– Всего лишь один шаг – и вы сможете своими глазами увидеть таинственного герра фон Шредера. Заходите, заходите! – выкрикивал он. – Всего одна крона, и перед вами предстанут чудеса магии!

Изабелла окинула взглядом толпу, потом улицу, ведущую в сторону Стрэнда,[24] переполненного туристами и молодыми джентльменами, соперничающими между собой за билеты в многочисленные театры и мюзик-холлы, заполонившие всю улицу. Толпа производила чрезвычайно шумное и грубоватое впечатление – совсем не похоже на модную и богатую часть Мейфэра, с идеальным порядком и вежливостью. В этом месте Лондона аристократический Вест-Энд постепенно перетекал в трущобы Ист-Энда.

«Однако дни становятся все короче, а ночи длиннее», – подумала Изабелла, еще раз напоминая себе о том, что сейчас не время глазеть и праздно шататься по улицам.

Она должна приобрести лекарство и вернуться в Мейфэр еще до захода солнца. Одного взгляда на пасмурное, облачное небо было достаточно, чтобы предположить, что сегодня темнота наступит раньше обычного.

Повернув назад, Изабелла вновь ступила на улицу Хеймаркет и внезапно остановилась, завидев преградившего ей дорогу высокого мужчину в черном, лениво опиравшегося на инкрустированную эбеновым деревом и серебром прогулочную трость. Он внимательно смотрел на нее из-под оправы солнечных очков с синими стеклами. Она вздрогнула, испытав на себе силу этого немигающего взгляда, а может, просто задумавшись, к чему ему очки с темными стеклами, если солнце давно скрылось за тучами.

– Добрый день, мисс Фэрмонт.

Лорд Блэк.

– О, добрый день, милорд. Я и не узнала вас в этих солнечных очках.

[24] Стрэнд – центральная улица Лондона, соединяющая районы Вестминстер и Сити.

Он улыбнулся, беря ее за руку и встретившись с ней взглядом из-под серебряной оправы очков.

– На этот раз я вас прощаю, – поддразнил граф, поцеловав ее затянутую в перчатку руку.

– Наслаждаетесь осенней погодой? – поинтересовалась она. – Или, быть может, решили воспользоваться шансом и стать свидетелем магического шоу герра фон Шредера?

Его зрачки расширились, поглощая бледно-голубые радужки. Блэк моргнул, а потом спрятал глаза за темными стеклами очков. Вся его фигура заметно напряглась, он продолжал с любопытством рассматривать девушку.

Только она решилась заговорить, как в нее врезалась парочка шедших вслед за ней молодых людей, немедленно устремившихся в «Театр Адельфи», стоило ему раскрыть свои двери. Изабелла налетела Блэку на грудь, и тот успел поймать ее, крепко обняв за талию, удерживая от падения.

Когда грубияны прошли мимо, он медленно отпустил девушку. Изабелла подняла глаза и взглянула на него. На лице Блэка не осталось и следа легкомысленного выражения, присутствовавшего всего несколько минут назад, когда она впервые его заметила. Оно снова стало таинственным – и прекрасным.

Отодвинувшись, Изабелла попыталась восстановить между ними дистанцию. «Будь осмотрительной», – напомнила она себе. Так легко пасть жертвой его обольстительного обаяния. Что уж скрывать, Изабелла уже испытывала слабость. Матушка ее однажды также проявила малодушие, а ее бесчестный отец не преминул воспользоваться ее неосторожностью.

– Милорд, вы что-то сказали?

– Несмотря на то что магия герра фон Шредера производит исключительно сильное впечатление, похоже, жители Лондона наблюдали ее в последний раз, – невнятно пробормотал он, придерживая Изабеллу рукой за талию и сопровождая в более-менее безопасное место у витрины аптеки.

– Что вы имеете в виду, сэр? – спросила она.

Оглянувшись назад, Белла заметила ассистента герра фон Шредера, выскочившего с жутким воплем из цыганской кибитки.

– Полагаю, вы искали аптеку? – ответил Блэк, открывая дверь и помогая ей войти. Тренькнул колокольчик, заглушая крики бежавшего по улице помощника иллюзиониста.

– Как вы узнали, что я шла именно сюда? – сощурив глаза, требовательно поинтересовалась Изабелла, ощущая, как вся покрывается гусиной кожей.

– Аптека Якобсона очень знаменита. Я предположил, что желание попасть именно туда привело вас в эту часть города.

– Ох. – Она покраснела и опустила взгляд на свои затянутые в перчатки руки, преувеличенно внимательно рассматривая плетеные завязки ридикюля. – Простите, милорд, если я показалась вам неучтивой. Боюсь, я немного не в себе из-за ужасной головной боли.

Сняв очки, он осторожно взял ее за подбородок и слегка наклонил ее голову поближе к ущербному вечернему свету, проникавшему сквозь большое окно аптеки.

– Вы очень бледны, мисс Фэрмонт. Мне это не нравится.

– Что ж, ничем не могу помочь, – отрывисто возразила она, не зная, быть ли ей тронутой или оскорбленной его прямотой.

– Мне больно видеть, как вы страдаете, – пробормотал он, нежно касаясь большим пальцем ее щеки. – Могу ли я что-нибудь сделать, чтобы избавить вас от мучений?

Изабелла действительно была тронута. И не только словами, в которых отсутствовала фальшь, но и застывшей в его глазах искренней заботой.

– О нет, милорд. Я уже все перепробовала, ничего не помогает, кроме чудесной микстуры с бергамотом от мистера Якобсона.

Две престарелые матроны, ожидавшие расчета у прилавка, уставились на них с нескрываемым интересом. Блэк опустил руку, и в то же самое мгновение Изабелла сделала осторожный шаг назад.

– Я отвезу вас домой, – объявил он.

– О нет, не стоит беспокоиться, я взяла с собой лакея. Он… – Изабелла посмотрела сквозь украшенное большими буквами из золотой фольги окно на улицу и с облегчением заметила, что молодой лакей по-прежнему пребывал на том же месте, где она его оставила, занятый флиртом с лавочницей. – Он здесь неподалеку.

Блэк проследил за ее рукой.

– Похоже, он не особенно хорошо справляется со своей обязанностью вас охранять, мисс Фэрмонт. Нет, я сам прослежу, чтобы вы благополучно добрались до дома.

– А, добрый день, мисс Фэрмонт! – воскликнул стоящий у прилавка сын мистера Якобсона Джордж. – Что вас привело к нам сегодня?

– Добрый день и вам, мистер Якобсон, – поприветствовала его она, бросив беглый взгляд на лорда Блэка, который, как ей удалось заметить, не сводил с нее глаз, вновь скрытых за стеклами темных очков.

Он начинает ей нравиться в этих очках, несмотря на всю свою нелепость в темных очках в сумрачном помещении аптеки, когда последние лучи солнца давно скрылись за тучами.

Джордж спросил, вытирая руки о фартук:

– Возможно, вы хотите приобрести еще один флакон снотворной микстуры?

– Да. Пожалуйста.

– Настойка лауданума[25] и бергамота с добавлением корня валерианы?

– Совершенно верно.

Выражение лица Блэка стало таким же мрачным, как и его имя,[26] он смотрел на нее с неослабевающим любопытством.

– Это очень опасное варево, Изабелла, – прошептал ей на ухо граф. – *Очень* опасное.

– Я осведомлена об этом, однако принимаю его с великой осторожностью и в предписанной мистером Якобсоном дозировке.

Он развернул девушку лицом к себе, коснувшись пальцами ее подбородка.

– Знаете ли вы, сколько людей отправилось на свидание со Смертью после употребления подобных настоек? *Тысячи*, Изабелла.

Она вздрогнула.

– Я прекрасно сознаю, что делаю. Почти ежедневно в течение года я страдаю от этих головных болей и… снов, – вырвалось у нее, и она поспешила добавить: – Я вполне в состоянии следовать предписаниям врача, милорд. Я не ребенок. И к тому же это единственное средство, способное мне помочь.

– Вот, пожалуйста, мисс Фэрмонт. Две полные ложки настойки перед сном сотворят чудо. И если вам покажется, что вы по-прежнему ощущаете беспокойство, примите еще одну днем.

– Благодарю вас, мистер Якобсон. – Открыв ридикюль, Изабелла достала несколько монет и положила их на прилавок.

– Доброго вам дня, мисс Фэрмонт. – Аптекарь кивнул и выбрался из-за прилавка, чтобы придержать для нее дверь.

Выйдя на улицу, Блэк постарался встать подле Изабеллы. Тротуары были переполнены спешащими по своим делам лондонцами, и в ту же минуту она столкнулась с достаточно крупным прохожим. Флакон с лекарством выпал из ее кулачка, подхваченный, однако, рукой в черной перчатке.

---

[25] Лауданум – спиртовая настойка опия.

[26] В переводе с английского Black – «черный».

Блэк!

Распрямившись, он протянул ей склянку с опийной настойкой.

– Мне бы следовало позволить этой бутылке разбиться о булыжники мостовой, однако в том случае вы бы просто вернулись назад и заказали еще одну. Я прав?

– Да, боюсь, именно так я бы и поступила. Я просто в отчаянии. Головная боль не проходит с прошлой ночи, с тех самых пор, как я вернулась из лабиринта… – Изабелла остановилась, смущенная невольным упоминанием о произошедшем между ними. Она не договорила, молча убрав настойку в сумочку.

Он следил за ней из-за темных стекол своих очков, и Белла почувствовала, как взгляд его строгих глаз прожигает ее сквозь одежду, сквозь кожу, доходя до самого сердца. Вспоминает ли Блэк сейчас то, что случилось в лабиринте? Взволновало ли это его так же, как ее?

«Какая глупость», – бранила она себя. Ей не следует позволять своим мыслям забредать на столь опасную территорию. Страсти хороши в романах. Не в жизни. Да что же в этом мужчине такого, что с легкостью заставляет ее позабыть о своих принципах?

Сделав шаг назад, Изабелла уже приготовилась попрощаться с графом, как Блэк взял ее под локоток и удержал.

– Моя карета как раз здесь, за углом. Позвольте мне доставить вас домой, я бы хотел, чтобы вы поскорее оказались в безопасности. Эй, ты, парнишка, – подозвал он пробегавшего мимо того самого юного разносчика газет, который продал Изабелле «Таймс».

Парень остановился, его щеки раскраснелись, глаза горели.

– Вы слыхали, милорд, что герр фон Шредер мертв! Покойник! – воскликнул он. – Бегу рассказать об этом в редакции. Заполучу цельный фунт, когда первым доставлю им такую убойную новость. Говорят, мошенника многие не любили. – Парня переполнял энтузиазм. – Бьюсь об заклад, они отвалят мне больше фунта, если фокусника порешили.

Блэк придержал его за воротник, возвращая назад.

– Я дам тебе пять, если ты будешь столь любезен и перейдешь через улицу, чтобы вручить это парню в бело-синей ливрее.

– Тому, что разговаривает с Салли? – спросил мальчишка.

– Именно. – Блэк протянул разносчику свою визитную карточку. – Скажи ему, я забираю мисс Фэрмонт, чтобы отвезти ее домой. Она плохо себя чувствует. Поспеши же, – приказал он, вручая парнишке пятифунтовый банкнот. – И смотри, сначала выполни поручение, и можешь бежать куда угодно, оглашая окрестности новостью об убийстве фон Шредера.

– Прям сию минуту, милорд. – Разносчик ухмыльнулся и побежал во всю прыть мальчишеских ног.

– Сюда, мисс Фэрмонт, – скомандовал Блэк, беря Изабеллу под руку и вместе с ней обходя угол аптеки к ожидающему экипажу.

– Что имел в виду тот парнишка, говоря, будто фон Шредер мертв? – спросила она. Когда граф остановился позади нее, Изабелла была вынуждена обернуться. Блэк внимательно смотрел на что-то, но на что? Ей пришло в голову, что он уставился на фасад «Театра Адельфи», а его напряженное лицо становится мертвенно-бледным. – Милорд? Блэк, что-то неладно?

Он покачал головой. Изабелла заметила, как Блэк еще раз окинул взглядом театр, прежде чем отвернуться и посмотреть на нее.

– Все в полном порядке, мисс Фэрмонт. Вы готовы?

Протянув руку, он открыл дверь кареты и нежно подтолкнул Изабеллу вперед. Внутри было темно из-за роскошной обивки черного бархата, придававшей экипажу богатую умиротворяющую атмосферу.

– Лорд Блэк, – настойчиво начала Изабелла, однако он коснулся пальцем ее губ, заставляя умолкнуть. – Это излишне.

– Ш-ш-ш, – прошептал Блэк. – Вы не должны себя утомлять.

– Я вовсе не ребенок и не инвалид, – возмутилась она. – У меня всего лишь головная боль.

– И чертовски сильная, если вам потребовалась настойка валерианы с опиумом.

Ей не оставалось ничего другого, кроме как принять его руку, когда он помогал подняться по железным ступенькам кареты. Опершись о его большую, теплую и сильную руку, Изабелла закрыла глаза, позволяя себе краткие минуты наслаждения его прикосновением. Еще никогда она не испытывала столь твердое и уверенное рукопожатие другого человека. Это ощущение показалось ей утешительным и возбуждающим. Она задалась вопросом, где еще на ее теле прикосновение его руки может оказаться столь же прекрасным.

– Изабелла? Вам нехорошо?

– Нет, – выдохнула она, осознав, что стоит на ступеньках, держась за него. – Нет, я… я просто зацепилась подолом юбки, только и всего.

«Дурочка», – нещадно ругала себя Изабелла, усаживаясь на пустое сиденье. Что он может о ней подумать? Что она неразумное дитя? Ее поступки определенно свидетельствуют об этом.

Блэк вошел в карету и занял соседнее место. Его длинные ноги были вытянуты вперед, брюки плотно облегали бедра, а плечи заняли почти все свободное пространство. Опустив глаза в пол, она категорически отказывалась смотреть на Блэка, утомленно раскинувшегося на мягких подушках во всей своей мужской красе.

После удара его трости о потолок кареты они тронулись вперед, медленно, но уверенно продвигаясь по Стрэнду в сторону площади Гросвенор.

Изабелла ощущала себя неловко и нервничала. Воцарившаяся тишина казалась просто невыносимой, однако она не знала, с чего начать разговор. Дежурное замечание о погоде вряд ли уместно, поскольку все вокруг затянуло осенними тучами, серыми и унылыми, обещавшими скорую грозу. Еще хуже обстояло дело с вчерашним вечером – невозможно и подумать о том, чтобы даже мельком упомянуть о случившемся, ведь она вела себя в высшей степени неподобающе для леди, сидя вместе с ним в темноте, позволяя ему…

Тишина угнетала, однако, судя по всему, на его сиятельство она производила совсем иное впечатление. Он легко переносил безмолвие и одиночество. Не ощущал потребности заполнить возникшую паузу бессмысленной болтовней. Изабелле не требовалось долгое знакомство с графом, чтобы узнать об этой его черте.

Тишина окутывала его подобно некой завесе, он сливался с ней, и она – плотная, недвижимая, беззвучная – наполняла роскошные интерьеры экипажа. Молчание раздражало и нервировало, но не пугало, а просто создавало атмосферу слишком личную, интимную. Она слышала его медленное спокойное дыхание столь же отчетливо, как и свое собственное. В нем скрывалась чувственность, их вдохи и выдохи сливались, отражаясь, переходя в срывавшийся с губ едва слышный шепот. В безмолвии они погружались в тайные глубины своих мыслей, перед глазами проносились пленительные образы и картины. Изабелла представляла свою руку, касающуюся руки Блэка, как наяву ощущала его большой палец, ласкающий ее ладонь. Ее охватило сладостное ожидание его поцелуя, она словно видела, как он склоняет свои губы к ее приоткрытым устам.

Нет, тишина несла слишком опасную интимность, мысли, гибельные своей безрассудностью.

Блэк пошевелил ногой, его ботинок скользнул, касаясь подола ее платья. Изабелла глубоко вздохнула, отводя взгляд, рассматривая интерьер кареты, лишь бы не видеть его, не вспоминать образы, которые сознание услужливо рисовало перед ее мысленным взором.

Какое же она грешное создание, если находит удовольствие в подобных фантазиях! А ведь ей представилась возможность, которой были лишены тысячи подобных ей. Получить шанс вести жизнь леди и, подобно ее безрассудным родителям, предать этот щедрый дар ради низменных развратных мыслей и непозволительных обещаний наслаждения.

Она должна положить конец всему этому. Не в силах больше выносить молчание и свои собственные преступные думы, Изабелла произнесла первое, что пришло ей в голову:

– Сегодня утром я получила вашу записку.

Он резко взглянул на нее, однако ничего не сказал. Что за глупая идея завести подобный разговор? Однако что сделано, то сделано, остается только продолжить.

– Это стихотворение Томаса Мура одно из моих самых любимых. Я помню его наизусть.

– Правда?

– Мне кажется, последние строчки самые лучшие:

И мне бы пора уж:
С любви ожерелья
Брильянт за брильянтом
Оборван метелью,
Друзья, кто в могиле,
Кто брошены вдаль, —
Так мир ли пустынный
Покинуть мне жаль.[27]

– Вы очень романтичны. – Он повернулся, пристально вглядываясь в нее.

– Да. Но какой женщине это не свойственно, милорд? Думаю, вас тоже можно назвать романтиком. – Изабелла густо покраснела.

– И что заставляет вас высказывать подобное предположение?

– Вы обрезали шипы с розы, которую сорвали для меня.

Блэк склонил голову, устремил взгляд за окно, всматриваясь в проплывающие пейзажи. Он ничего не ответил, и Изабелле оставалось только гадать, чувствовал ли он неловкость от слишком фамильярного характера, который приняла их беседа. В одном она была уверена: его молчаливое созерцание сильно нервировало ее. Они вновь вернулись к тишине, и окружавшая их интимность, казалось, обрела плоть, словно живое существо, пульсация которого отдавалась в каждом их вздохе, в каждом сердцебиении.

Изабелла действительно вся извелась от оглушающего молчания. Однако Блэк, похоже, не замечал этих невидимых бурлящих течений, сталкивающихся, разбивающихся на кипящие брызги, грозящих затянуть в свой водоворот.

Руки дрожали, Изабелла поняла, что больше не вынесет изощренной пытки. Она будет поддерживать односторонний разговор, поскольку даже подобие беседы – единственный способ удержаться от постоянного повторения в голове образа Блэка, держащего ее за руку… целующего ее.

– Сегодня утром приходил мистер Найтон.

– Неужели? Разве вы не сообщили ему, что правила этикета строжайше воспрещают любые визиты в первой половине дня?

– Он никак не мог дождаться, чтобы сообщить мне о том, что вы предложили выступить его поручителем в масонскую ложу. Это было его самым заветным желанием на протяжении довольно продолжительного времени. Но ведь вам это известно, не так ли?

Так и не ответив, Блэк снова опустил голову. Будь проклят этот невозможный мужчина. Она чувствовала себя неуютно, неловко, и ей это совсем не нравилось. Безрассудство готово было поглотить ее, спокойствие, которого Изабелла столь долго добивалась, окончательно ее покинуло.

---

[27] Перевод А.А. Курсинского.

– Похоже, вы знаете обо мне очень много, настолько много, что это приводит меня в замешательство.

Его взгляд по-прежнему был устремлен в окно. Он смотрел вдаль, не моргая, даже не шевелясь, однако его голос, раздавшийся в тишине, окутал Изабеллу бархатной лаской, скользящей вдоль спины, затягивающей, манящей…

– Я не хотел приводить вас в замешательство, Изабелла.

И это все, что он мог сказать? Она была смущена тем, что он так много знал о ней и о мужчине, который за ней ухаживал. И Блэк… его необъяснимая осведомленность о ее прошлом нервировала. А нервы – не самая здоровая вещь у особы со столь живым воображением. Самые разные мысли приходят в голову. Изабелла не могла себе позволить даже думать о том, каким образом Блэк столько о ней разведал.

Это в высшей степени несправедливо. Его сиятельство достаточно хорошо осведомлен об обстоятельствах ее жизни, а она, да и весь Лондон, не имели о нем практически никакого представления. Блэк держал свою частную жизнь под надежной защитой, и никому еще не удавалось проникнуть сквозь холодное безразличие, железные ворота, скрывавшие его царство.

«Но что он так тщательно прячет? – задавалась вопросом Изабелла. – Кто он на самом деле? Что за непонятную игру со мной затеял?» Вероятно, он относился к тому типу мужчин – умных и успевших многое повидать на своем веку, которые испытывали пресыщение и скуку от привычного образа жизни богатой аристократии. Возможно, именно внутренняя апатия и тоска снедали Блэка, и он находил развлечение в игре с неискушенной простушкой?

Подобные мысли сильно тревожили ее, выводя из хрупкого равновесия. Да как же, во имя всего святого, графу удалось собрать о ней информацию – простой, без гроша за душой, никогда не знавшей отца сироте с холодного каменистого йоркширского побережья? Вопрос «как?» приходил в голову прежде, чем гораздо более волнующий «зачем?». Зачем влиятельному, обеспеченному, умному Блэку сведения о столь незначительной особе, каковой она себя считала?

Единственный способ избавиться от мучительных размышлений – получить ответы на смущающие вопросы. Хотя Изабелла очень сомневалась, что граф снизойдет до этого. Похоже, он вполне доволен жизнью, сидя молча на удобных подушках роскошного экипажа, рассматривая лондонские пейзажи за окном и думая о чем-то своем под покровом удачно наброшенной на плечи завесы тайны.

– Откуда вы узнали, где меня сегодня искать? – требовательно поинтересовалась Изабелла. – И об этом герре фон Шредере? И зачем вы разыскивали утром мистера Найтона в доках? Почему не дождались встречи с ним где-нибудь в музее или на балу, чтобы предложить свое поручительство? Что за необходимость в том, чтобы сделать это непременно сегодня, едва взошло солнце?

– Столько вопросов… – пробормотал Блэк, надеясь свести все к шутке, однако стоило ему взглянуть ей в лицо, Изабелла заметила застывшее в его глазах напряженное внимание, – да еще от леди, так плохо себя чувствующей.

– Моя голова начинает болеть еще сильнее, милорд, когда я думаю об этом.

– Услуга за услугу, Изабелла? – напомнил он ей, и его глаза сверкнули из-под длинных ресниц цвета оникса. – Опять хотите поиграть? Однако это развлечение предназначено для двоих. Вряд ли справедливо, если вам одной будет позволено задавать вопросы, а мне подобная роскошь недоступна.

Она встретила его взгляд, соглашаясь пока играть по его правилам.

– Как вы узнали про фон Шредера?

– Он был пожилым человеком, говорили, будто он болен. За несколько минут до того, как вы появились у аптеки, я видел этого господина в открытой коляске. Он выглядел слабым и болезненным, и было совершенно очевидно, что на этом свете он не жилец. Фон Шредер

схватился за грудь как человек, которого внезапно настиг сердечный приступ. – Блэк оглядел ее с головы до ног медленно, методично, она даже не сомневалась в том, что ей не удастся спрятать хоть что-нибудь от его пристального внимания. Глубоко внутри Изабелла ясно сознавала, что Блэк относится к числу людей, всегда получающих ответы на свои вопросы. – Расскажите мне о своих головных болях, Изабелла.

– Здесь не о чем рассказывать. Они начались у меня в двенадцатилетнем возрасте. В последний год положение ухудшилось. Мистер Найтон… – Она снова перехватила инициативу, сжав кулачки от волнения. – Зачем вы отправились за ним в доки?

– Не секрет, что Найтон был вне себя от волнения, ожидая прибытия корабля. Я понимал, что он не усидит на месте в музее в ожидании доставки своих драгоценных артефактов.

– И вы решили поймать его в доках?

– Да.

– Но зачем?

Он улыбнулся и подался вперед, ласково коснулся ее щеки ладонью.

– Теперь моя очередь. – Блэк хищно ухмыльнулся, и она задрожала. Господь всемогущий, его мужественность просто завораживала. В нем было что-то, заставлявшее чувствовать себя в безопасности, полностью защищенной и… женственной. Изабелла столько времени изо всех сил пыталась избавиться от этой естественной черты своей натуры, что сейчас ей оказалось в новинку ощущать себя прекрасной дамой, попавшей в беду и спасаемой рыцарем в белых одеждах. – Любопытно, – спросил Блэк, – вам снится что-нибудь перед этими головными болями?

Задыхаясь, Изабелла резко отстранилась, однако он настиг ее и заставил на него посмотреть. Устремил на нее свой взгляд – такой глубокий, что она была потрясена ощущением его близости, его пристальным вниманием, полностью направленным на нее. Он словно пожирал ее глазами, касаясь взглядом ее тела, живота, резко очерченных сосков.

– Поведай мне. – Блэк нежно провел затянутым в перчатку пальцем по ее щеке и придвинулся еще ближе, полностью завладев ее вниманием.

– Это, сэр, вас совсем не касается. – Неимоверными усилиями Изабелле удалось сохранить между ними небольшую дистанцию. Однако недостаточную, чтобы вернуть утерянное самообладание. – Откуда вы узнали, где меня искать?

– Я за вами проследил. А теперь расскажите, снится ли вам что-нибудь, видите ли вы нечто определенное, когда страдаете от головной боли?

– Да, – прошептала она, ненавидя себя за признание. Однако что-то в его взгляде вынуждало говорить правду. Изабелла тонула в его глубине, ее обволакивало чувство покоя и защищенности. Что бы ни произошло между ними, она понимала – ощущала в глубине души, что Блэк никогда и никому этого не откроет. Ее тайны в полной безопасности. Но относится ли это и к ней самой?

– И вы принимаете лекарство, чтобы крепко спать и не видеть снов?

Она кивнула, не сводя с него глаз, и отважилась задать вопрос, буравящий ее сознание. Вопрос, который не могла не задать. Ответ на который был ей столь необходим и одновременно пугал ее.

– Зачем вы за мной следили?

Он вновь дотронулся до ее щеки. Ощущение тонкой лайковой кожи, ласкающей ее, казалось таким грешным, таким нечестивым. Когда же его большой палец коснулся ее рта, приоткрывая губы нежным, но столь соблазнительным движением, Изабелла резко и глубоко вздохнула, ее ресницы взметнулись вверх, и она едва слышно простонала, вбирая в себя безумно эротическое ощущение его пальцев на своих устах.

– Ты не можешь догадаться?

Она покачала головой, опьяненная запахом кожи и мужчины, легкими касаниями его большого пальца, продолжавшего играть с ее губами, еще больше раздвигая их, проводя по влажной внутренней поверхности.

– Я хотел быть с тобой рядом. Пусть даже всего несколько минут.

Изабелла тяжело сглотнула и вздрогнула, когда его свободная рука поднялась вверх, чтобы нежно обвить ее шею, лаская большим пальцем отчаянно пульсирующую синюю жилку. Понимает ли он, насколько опасны и соблазнительны эти прикосновения? Осознает ли, что, опустив глаза, она представляет, как гладкая черная кожа его перчаток будет выглядеть на ее белоснежной коже – тьма и свет, грех и невинность. Может ли предположить, что даже сейчас она видит его снимающим свои перчатки и поглаживающим ее, кожа к коже, плоть к плоти, его губы на ее шее?

– А мистер Найтон? – спросила Изабелла едва слышным, бездыханным шепотом.

Его большой палец порхал над ее бешено бьющимся пульсом, лаская, убаюкивая, даря наслаждение, а в голосе звучала грешная, бархатистая хрипотца.

– Я бы солгал, если бы ответил, что поступил так по доброте душевной.

– Тогда в чем же суть?

– Чтобы держать его от вас подальше в течение тех нескольких недель, пока он будет готовиться к получению первого градуса.

Ее ресницы затрепетали, и она взглянула на него сквозь легкую туманную пелену ощущений, подобных тем, что окутывали ее, когда лекарство мистера Якобсона начинало действовать, только гораздо лучших. Чувственных. Эротичных. И в высшей степени непозволительных.

– Я должна напомнить вам, милорд, что у меня есть поклонник.

– Он ведь так и не предложил тебе выйти за него замуж, я прав? – Изабелла вспыхнула и отвернулась, однако Блэк наклонил голову, чтобы поймать ее взгляд, потянулся своими губами к ее губам. Его большой палец поглаживал контур ее нижней губы. – Открыл ли он тебе глубину своего желания?

Сердце ее билось, словно загнанный маленький зверек, а рука, господи, ее рука поднялась, и пальцы прикоснулись к его длинным волосам. Глаза его были закрыты, потом медленно открылись, зеленоватые искорки поблескивали в их глубине ярче, чем прежде, делая радужки еще более бирюзовыми.

– Дал ли он почувствовать тебе вкус удовольствия? Ласковую негу своих объятий?

– Нет, – выдохнула Изабелла, и едва различимое слово прозвучало свистящим шепотом.

Блэк еще раз погладил ее губы большим пальцем, черная кожа гладко скользнула по их влажной поверхности, пока она не ощутила кончик пальца внутри своего рта. Но на этот раз он не был медленным и чувственным, скорее уверенным, убедительным. *Властным*. Изабелла задрожала в ответ, побуждаемая, однако, не страхом, а желанием, тело ее инстинктивно отвечало на его ласки.

– Знаешь, что я готов отдать за возможность показать тебе, каково будет в моих объятиях?

Не сводя с него глаз, она облизнула губы, во рту внезапно пересохло, дыхание затруднилось, словно ее душил тесный корсет и плотный панцирь лифа ее платья.

– Милорд, это безрассудство.

– Да, безрассудство. Опасно, безответственно, – бормотал он, заключая ее в объятия, его грудь медленно, неумолимо надвигалась на нее, прижимая к мягким подушкам экипажа, пока Изабелла не оказалась распростертой на сиденье, а он навис над ней сверху. – Да, все это так, но при этом неизбежно, неотвратимо, неминуемо.

Изабелла наблюдала, как лорд Блэк склонился над ней. И словно во сне ее руки поднялись, намереваясь отодвинуть его, однако отказались подчиняться ее воле и предательски обняли его за плечи, пальцы запутались в его волосах.

– Неминуемо, – повторила она хриплым голосом.

– Да. – Он медленно коснулся губами ее губ. – Где бы ты ни оказалась, я последую за тобой. Я найду тебя, Изабелла.

– Как Смерть, – прошептала она, опустив ресницы и ожидая его поцелуя. – Этот господин всегда знает, где разыскать тех, кто пытается от него скрыться.

Порыв холодного воздуха разделил их тела, и Изабелла резко открыла глаза, чтобы увидеть, как лорд Блэк внезапно оторвался от нее. Прежде чем она успела оправиться, он снова сидел на противоположном сиденье и, прикрыв глаза, за ней наблюдал.

– Мы прибыли к вашему дому, мисс Фэрмонт, – объявил граф. Желание, еще несколько секунд назад наполнявшее его голос, внезапно исчезло. – Желаю вам приятного вечера. Примите мои самые глубочайшие пожелания вашего скорейшего выздоровления от головных болей.

– Милорд?

Ее дыхание все еще было затруднено в ожидании поцелуя, которого так и не случилось. Неужели она сделала что-то не то? Вела себя слишком откровенно? Следовало ли ей дать ему отпор, вырываться из его объятий, как она прежде и намеревалась поступить?

Их взгляды встретились, и едва заметным движением он оказался перед ней, нежно лелея в ладонях ее лицо.

– Говорят, Смерть – это тень, всегда следующая за телом, но Смерть не найдет тебя. Клянусь. Ты должна пообещать мне, что будешь очень осторожной с настойкой, – яростно зашептал Блэк, – ибо я не переживу, если Угрюмый Жнец будет призван к тебе, вынужденный сорвать яркие розы с твоих щек.

– Буду, – согласилась она, трепеща перед суровой озабоченностью, которую разглядела в выражении его лица и услышала в его предупреждении.

– Пообещай мне, – едва слышно произнес Блэк, наклоняя голову, словно намереваясь ее поцеловать. – Клянись мне, Изабелла.

– Клянусь.

Лорд Блэк нагнулся, коснулся своими устами ее приоткрытого рта, медленно – один раз, другой – всякий раз они все больше вбирали в себя ее губы, пока она не простонала, он раскрыл рот, его язык проскользнул внутрь, наслаждаясь ее горькой сладостью, словно изголодавшийся нищий на пиру.

Изабелла не знала, как отвечать на такой поцелуй, не могла вздохнуть, пошевелиться. Оставалось лишь блаженствовать, ощущая шелковистые прикосновения его губ, ласкающих ее уста, настойчивые толчки его языка, переплетенного с ее языком. Каким волнующим стал их интимный контакт, каким возбуждающим. Изабелла чувствовала, что Блэк стремится к ней, алчет ее, желает, открывает для себя, и хотела делать то же самое с ним, однако боялась прервать поцелуй своими неумелыми и неопытными движениями, позволяя ему обучать ее, целовать, давая возможность его языку исследовать глубины ее рта, лизать и пробовать на вкус. Она прислушивалась к возбуждающим звукам этого поцелуя, его прерывистому дыханию и своим страстным стонам.

Изабелла не имела ни малейшего понятия, сколько длился их поцелуй, однако испытала недовольство, когда он стал менее страстным и наконец прервался.

– Белла, – выдохнул он в перерыве между опьяняющими ласками его губ, и его язык обвел контур ее рта. – Безрассудный, безответственный, неотвратимый.

– Неизбежный, – прошелестели ее губы и впились в его рот.

Он тесно прижался к ней всем телом, руки скользнули вдоль ее ребер, чтобы остановиться на пышной округлости груди. Изабелла бесстыдно прильнула к нему, давая возможность ощутить свое тело, изнывающую от желания плоть, которую она уже больше не могла контролировать. Блэк пробудил ее поцелуем, и теперь Белле казалось, что она умрет, если он не даст ее телу то, к чему оно столь жадно стремилось.

Она была задета слишком глубоко, встревожена, возбуждена, и он понимал это, его объятия крепчали, поцелуи становились все более глубокими, страстными, жаждущими…

«Да!» – восклицала она. *Еще… Еще…*

Прервав поцелуй, Блэк резко вздохнул, коснувшись ее лбом, и их взгляды встретились. Он дотронулся пальцем до ее нижней губы, неспешно, эротично погладил.

– Неотвратимый, – прошептал он, и Изабелла поняла, что произошедшее между ними – лишь начало ее падения.

Глава 5

Два часа спустя Блэк все еще переживал воспоминания о поездке в экипаже с Изабеллой и о связавшем их поцелуе. И хотя разум его должен бы быть ясным, а мысли сконцентрированы на долге – разыскать человека, стоящего за столь нежданным возрождением «Дома Орфея», и вернуть магические реликвии, он долгое время не мог успокоиться и думать о чем-либо ином, кроме Изабеллы и удовлетворения своих самых страстных желаний.

Блэк ощущал на губах ее вкус, очертания ее тела в своих руках. Проклятие, он все еще возбужден, и при одной лишь мысли об Изабелле ему становилось только хуже.

– Ваш столик ждет вас, милорд, – объявил дворецкий, принимая его цилиндр и пальто и передавая их лакею.

Кивнув, граф прошел по скудно освещенному коридору. Наступил уже ранний вечер, но газовые лампы еще не зажгли, несмотря на то что карточные столы и ресторан были уже заполнены. Однако, с другой стороны, этот клуб не относился к числу тех, в которых приятно проводили время лондонские аристократы.

Он пришел в «Блейк» – малоизвестный джентльменский клуб – с определенной целью. Клиентами этого заведения были преимущественно представители богемы – поэты и художники, некоторые финансисты. Очень немногие джентльмены из общества являлись его членами, именно потому Блэк избрал для себя это место – подальше от любопытных глаз и докучливых сплетен. Он ненавидел слухи. Особенно с тех пор, как стал их постоянным объектом. Лорд Блэк делал все, что в его силах, избегая назойливого внимания, однако сам нарушил это непреложное правило прошлым вечером, покинув надежное убежище городского дома, отправившись на бал и пригласив на танец прекрасную молодую леди.

Годы строгих ограничений менее чем за пять минут были посланы к дьяволу. Однако даже для него в жизни существуют слишком большие искушения. И Изабелла стала одним из них. Возможно, единственным.

Повернув направо, он попал в небольшую комнату в глубине клуба. Залы для карточной игры и бар располагались в центральных помещениях, дальние же комнаты оставались сравнительно тихими и пустыми. В камине потрескивало яркое пламя. За столом, склонившись за газетой и медленно попивая виски, сидел Сассекс.

При появлении Блэка слуга положил свежую газету и поставил порцию шотландского виски на свободное место, которое граф немедленно занял. Едва лакей оказался за пределами слышимости, Блэк сделал глоток виски и обратил внимание на Сассекса, опустившего свою газету.

– Итак? – поинтересовался герцог. – Я получил твое сообщение.

Блэк осмотрелся по сторонам и подвинул кресло, желая создать впечатление, будто удобнее устраивается.

– У меня появилась информация относительно «Дома Орфея».

– В самом деле? – В глазах Сассекса блеснул интерес. – Ты проявил достаточную оперативность для человека, утверждавшего, будто его не интересует судьба реликвий.

Пропустив насмешливое замечание герцога, Блэк продолжил:

– Прошлой ночью я сказал тебе, что недавно где-то видел изображение «Дома Орфея». – Граф поднял газету и сделал вид, что внимательно вчитывается в колонку новостей. – Это было на афише у «Театра Адельфи».

Темная бровь герцога вопросительно приподнялась.

– «Театр Адельфи» всего лишь малопристойное заведение с размалеванными актрисульками и сомнительными постановками.

– Что делает его прекрасным прикрытием для такого клуба, ты не находишь?

– Нахожу. – Сассекс сложил газету и допил свое виски. – И в самом деле, блестяще. Ты уверен?

– Я знал, что где-то видел эту картинку, – пробормотал Блэк. – Вспомнить, где именно, – лишь дело времени. В одну из предыдущих ночей меня окончательно одолела скука, и я решил посетить какое-нибудь незамысловатое шоу.

Герцог вздернул бровь. Блэк одарил его красноречивым взглядом.

– Я не нуждаюсь в твоих порицаниях, Сассекс, – резко бросил он, – поскольку получил сомнительное удовольствие, слушая в течение нескольких часов ужасное пение и любуясь еще более кошмарными танцами. Как бы то ни было, при выходе из театра я обратил внимание на одно объявление. Тогда я не стал в него вчитываться, однако сегодня днем, после того как доставил мисс Фэрмонт домой, велел кучеру вернуться в Стрэнд и заполучил вот это. Афишка висела над дверями у входа в театр.

– Мисс Фэрмонт, говоришь? – полюбопытствовал Сассекс, беря рекламное объявление из рук Блэка. – И что же она там делала?

– Ходила в аптеку.

– А мисс Эштон? – Сассекс взглянул на приятеля поверх объявления.

– Ее там не было.

Глаза герцога помрачнели.

– Это рекламное объявление приглашает посетить клуб, однако нет ни адреса, ни информации, как с ним связаться, или что представляет собой «Дом Орфея».

– Я понимаю. Возможно, перед нами часть искусно продуманной стратегии, создающей атмосферу притягательности вокруг заведения. Я подозреваю, это один из тех самых в высшей степени элитарных клубов. Чтобы туда попасть, мужчины готовы пойти на любые жертвы. Некое мистическое заведение с ритуальным посвящением и тайными церемониями.

– Очень похоже на масонскую ложу, – усмехнулся Сассекс.

– Думаю, «Театр Адельфи» – хорошее место, чтобы начать наше расследование. Даже по размерам вполне подходит для проведения собраний членов подобного клуба. Возможно, проведя там ночь, нам удастся разведать о нем больше. Я слышал, театр закрыт по средам, возможно, потому, что это день встречи клуба? Или существует специальный зал – в таких местах всегда устраивают потайные комнаты для пущего драматического эффекта.

Подавшись вперед, Сассекс вернул объявление.

– Мне это не нравится, Блэк. Все мои инстинкты кричат о том, что проклятый клуб имеет какое-то отношение к Люси. И да поможет мне Бог, если он расположился в «Театре Адельфи». Конечно, мне следовало бы поразмыслить о чаше, медальоне и кровавом хаосе, в который ввергнется мир, если они попадут не в те руки, но, клянусь, все, о чем я могу сейчас думать, – это Люси и то, как ей удалось оказаться замешанной в эти опасные дела.

– Я собираюсь в театр, потолкаться там, порасспросить о «Доме Орфея». Посмотрим, что мне удастся разведать, и решим, имеет ли это какое-либо отношение к пропавшим артефактам. Не беспокойся, Сассекс. Репутация леди Люси останется незатронутой, и мы обязательно отыщем реликвии. Господи, мы же совсем не хотим, чтобы стало известно о том, что чаша и медальон обладают сверхъестественной силой изменить мир.

– Ты же говорил, что не веришь в это. По-твоему, это лишь средневековые легенды.

Пожав плечами, Блэк вновь уселся в свое кресло и пристально уставился на пламя в камине.

– Возможно, мне и недостает веры, но это не означает, что я должен все бросить. Вот уже более пяти сотен лет проклятием моей семьи было следить за злосчастным медальоном и прятать его от мира. Я не могу просто так отбросить все мои обязанности. Я должен разыскать реликвии, верю я или нет в то, что они обладают нечестивой силой.

– Всю свою жизнь я посвятил заботам о чаше и о том, чтобы спрятать ее от мира, но, оказывается, достаточно одного взгляда зеленоглазой нимфы, и я уже в замешательстве…

– Ослеплен, – поправил Блэк своего друга, – влюблен до безумия.

– Достаточно, – проворчал герцог. – Я просто пытаюсь не допустить, чтобы девушка оказалась во все это замешанной. Ради честного имени ее отца. Стоунбрук не должен быть вовлечен в публичное разбирательство или скандал.

Блэк фыркнул:

– Своим высокомерием и холодной надменностью ты, конечно, можешь обмануть светское общество, Сассекс, но я-то знаю тебя гораздо лучше. Ты пленен этой юной леди.

Его светлость не осмелился посмотреть другу в лицо и молча отвернулся к яркому пламени большого камина.

– Да, – прошептал он так тихо, что Блэк засомневался, что вообще расслышал его ответ. – Пленен, погублен, охвачен смертельной тревогой, а она не замечает меня, не может уделить и минуты своего внимания.

Блэк был знаком с Сассексом с колыбели и никогда не видел друга в подобном состоянии. Люси Эштон буквально вила из него веревки.

– Ладно, довольно об этом, – бросил Сассекс. – Когда ты собрался в театр и хочешь ли, чтобы я составил тебе компанию? Господь свидетель, ночь, проведенная вне дома, мне только на пользу.

– Я подготовлюсь и дам тебе знать. Кстати, я встретился с Найтоном в доках сегодня утром. Его находки не представляют для нас никакого интереса. Не думаю, что парень опасен, однако на всякий случай я предложил ему свое поручительство в ложе. Я полностью согласен с пословицей «держи друзей близко, а врагов еще ближе».

Сассекс лукаво улыбнулся:

– Ты же только что утверждал, будто он не представляет для нас никакой угрозы.

– Для Братства Хранителей – да, – пробормотал Блэк, – но не для меня.

– И кто еще здесь влюбленный безумец? – заметил Сассекс, рассмеявшись, когда Блэк поднялся с кресла и, храня достоинство, удалился из комнаты.

Графу нравилось поддразнивать его светлость, намекая на страсть Сассекса к Люси, однако совсем иное дело – самому выступать в качестве объекта насмешек герцога.

Она не могла не думать об этом поцелуе, о чувствах, пробужденных в ней объятиями лорда Блэка. Изабелла ощущала себя безумной, безнравственной, сумасбродной, и, откровенно говоря, он был столь же безудержен. Что не могло не шокировать ее, поскольку он всегда выглядел собранным и владеющим собой. Тот факт, что граф мог испытывать подобную страсть, производил на нее одновременно ошеломляющее и пугающее впечатление. Поцелуй оказался глубоким и яростным, будто они целую вечность провели в разлуке, и, наконец, их желание осуществилось. А между тем они едва знакомы. В том-то и весь ужас!

Изабелла была напугана. Пристыжена. Она целовала мужчину, который даже не ухаживал за ней. Ей бы следовало ощущать, хотя бы намеком, угрызения совести за то, что целовалась с Блэком, намереваясь выйти замуж за мистера Найтона. Но… но как она могла сожалеть о настоящем *событии* в своей жизни? Потому что этот поцелуй… этот поцелуй – самый волнующий момент ее существования.

Изабелла все еще ощущала его вкус. Губы стали ярко-красными и опухшими от яростных прикосновений его губ. Острая боль, еще недавно сотрясающая все тело, теперь почти утихла, едва достигая сознания. Ее тревожило поселившееся внутри и ранее незнакомое беспокойство. Взволнованность, излечить от которой могла лишь новая встреча с Блэком.

Прошли всего лишь сутки с того момента, как их представили друг другу, и вот она уже в плену сильного влечения к этому человеку. Как такое могло случиться после долгих

лет тщательного контроля над своими страстями? После того, как перед ее глазами постоянно маячил дурной пример матери, бросавшейся к любому мужчине, взглянувшему в ее сторону… И вот к чему это привело – она только и ждет возможности вновь оказаться к объятиях Блэка.

Наверное, он какой-то чародей, прекрасный, темный волшебник, пленивший ее своими чарами, – единственное объяснение ее опрометчивого безрассудного поведения, того, как быстро и просто она рассталась со всеми своими принципами, своими страхами. Изабелла поклялась себе никогда не следовать на поводу неразумных желаний. Одним своим поцелуем Блэк открыл ей двери в тайный чертог, в который она прежде боялась зайти, ибо понимала, что ее там ждет позор и гибель от руки соблазнительного хозяина.

Между ними сложилось странное, необъяснимое влечение. Едва познакомившись с графом, Изабелла чувствовала себя так, будто знала его всю жизнь. Когда она оказывалась рядом с ним, ставшие уже привычными волнение и беспокойство исчезали, им на смену приходили спокойствие и уверенность, обещавшие спасение от всех штормов и невзгод, которыми было насыщено ее существование. В обществе Блэка она ощущала себя легко и свободно, словно со старым другом. Как такое могло случиться, ведь она никогда не видела графа и не говорила с ним до той ночи на балу. Невозможно отрицать, нечто внутри его непреодолимо влекло ее к себе. Чем бы то ни было, ее душа отвечала неслышному зову.

Что это – рок? Предопределение? Изабелла больше не понимала, верит ли она в подобное. Может ли страсть быть предрешена изначально всесильным фатумом, или это всего лишь неуничтожимый инстинкт импульсивной человеческой натуры? То, что мелькнуло между ними, толкнув в объятия друг друга, – судьба или обычное физическое влечение, проявление низменных инстинктов?

Нет, днем в карете ими руководствовали не инстинкты. То, как он смотрел на нее, было прекрасно… Да, мужчина может напустить на лицо любое выражение, говорить любые сладкие речи, но глаза его не врут. В его взгляде таилось нечто большее, чем простое вожделение. Слова искушали, однако в его глазах читалась искренность. Даже молчание было наполнено чувственными подводными течениями. С Блэком она ощущала себя другим человеком. Женщиной, не боящейся страстей, воспламеняющих кровь. Пугало то, как легко ему удавалось разжечь в ней огонь желания.

«Он погубит, – напомнила себе Изабелла, – если не проявить должной осторожности». Если осмелится сделать хотя бы шаг в направлении той двери, которую он приоткрыл для нее сегодня днем, вся ее жизнь и репутация будут порушены – морально и духовно.

Стук деревянной ставни, ударившейся о кирпичную стену, напугал ее, возвращая к реальности. Изабелла подпрыгнула на месте, не в силах скрыть потрясение. Да, здесь совсем не то место, чтобы предаваться бесплодным мечтаниям и грезам о поцелуе графа Блэка. Надо бы взять себя в руки, призвав на помощь трезвый рассудок. Как она могла позволить Люси уговорить ее отправиться на Хайгейтское кладбище сегодня ночью, учитывая то, что самой Изабелле не хотелось ничего, только сесть в удобное кресло у камина и попробовать передать на бумаге все едва различимые нюансы этого волшебного поцелуя?

И почему Люси так привлекали сеансы и духи? Какое темное развлечение избрала она для себя? Ведь там, где нет света, лишь тьма – зло. Что ищет ее кузина в этой враждебной мгле?

Остановившись у окна маленького коттеджа, Изабелла отодвинула занавеску и выглянула наружу, рассматривая темные деревья. Поднялся холодный осенний ветер, срывавший сухие листья, кружащий их и кидавший на мерзлую землю. Голые озябшие ветви деревьев с протяжным скрипом поднимались и опускались, повинуясь ледяным порывам. Небо заволокло мрачными черными облаками, полная луна висела совсем низко, освещая ночное небо, словно предвещавшее грозу. Налетел еще один порыв ветра, и Изабелла поежилась, ощутив укол пробравшегося сквозь трещины ветхого окна сквозняка. За деревьями простиралось знаменитое Хайгейтское кладбище. Она различала очертания статуй, мраморных ангелов и крестов, высо-

кие крыши мавзолеев и фамильных склепов. Под скорбные причитания разгулявшихся порывов ветра холодной октябрьской ночью кресты выглядели грозными и зловещими, ангелы – убогими и отвратительными. Тени… да, как же без них – сотканные из зеленоватого лунного света, закутанные в хлопья стелющегося тумана, призрачно скользили вокруг могильных камней. Даже в самых своих диких фантазиях Изабелла не избрала бы подобную обстановку для проведения спиритического сеанса.

С той же силой, с которой она ненавидела и избегала темноты и теней, ее кузина стремилась к ним, страстно призывала их к себе. В отличие от Люси Изабелла прекрасно себе представляла, что тени не несут ничего хорошего. Но разве Люси прислушалась к ее протестам? Иногда Изабелле казалось, что кузина сама превращается в тень. Нельзя отрицать, что Люси уже не та жизнелюбивая, веселая молодая леди, которую Изабелла всегда знала. Эта новая дама действительно напоминала тень прежней Люси. Да, она старалась скрывать произошедшие изменения, однако Изабелла обладала способностью видеть сквозь умело приклеенную личину мнимого благополучия. Тени затаились в зеленых глазах кузины, и странная темнота неизвестного происхождения затягивала внутренний свет, некогда излучаемый ее дорогой подругой. Тьма, словно некая несущая зло и разрушение лоза, пустила корни и расцвела в душе Люси. Если бы кузина ей доверилась! Если бы только Изабелла могла спасти себя и ее от ненавистных теней, которые, похоже, всегда преследовали женщин их рода!

Однако Люси не намеревалась приоткрывать кузине постигшие ее несчастья, и Изабелла, все еще переполненная собственными темными снами и преследующими ее тенями, решила оставить все как есть – по крайней мере, пока.

Плотнее закутавшись в плащ, она оглянулась и окинула взглядом деревянный стол, приготовленный для проведения сеанса. За столом уже сидели Люси, Сибилла, герцог Сассекский – Изабелла не могла поверить, что его светлость все-таки решил присутствовать на сеансе, – и медиум Алиса Фокс, выглядевшая как городская сумасшедшая, с огромными, безумными глазами и дикой копной вьющихся рыжих волос.

Изабелла заметила, что Сассекс посматривает на Люси с едва скрываемым беспокойством. Он появился на пороге их дома, когда они уже собирались выходить. Стоило Люси сообщить герцогу, что они намереваются идти на Хайгейтское кладбище в сопровождении единственной горничной, как он потребовал своего обязательного присутствия. Люси была в ярости и заставила его светлость заплатить за самонадеянность ледяным обращением и колкими репликами.

Изабелла, испытывавшая искреннюю благодарность Сассексу за его присутствие, молча молилась, чтобы враждебность Люси не вынудила его покинуть их этой ночью, но герцог, похоже, стойко сносил суровое обращение и не собирался отказываться от своих намерений. И вот он сидит за столом напротив Люси и наблюдает за ней с трогательной смесью обеспокоенности и желания. В его таинственных серых глазах застыла непреклонность. Он никогда не позволит, чтобы с Люси или с самой Изабеллой случилось что-нибудь страшное. В этом Изабелла была абсолютно уверена. Уверенность и скрытая сила делали ее более терпимой к происходящему.

Возможно, вместе с Сассексом им удастся избавить Люси от абсурдной страсти к сверхъестественному. Изабелла не горела желанием провести еще пару ночей в ожидании, вдруг какой-нибудь дух восстанет из сумрака. Никогда не знаешь, что притаилось там, в царстве теней, и чем грозит явление посланцев иного мира.

– Давайте же начнем, – нарушила тишину Алиса, ее голос дрогнул, погружая собравшихся в зловещую атмосферу. – Сначала попытаемся призвать духов здесь, а потом, когда часы пробьют полночь, пойдем на кладбище и среди могил воззовем к ним еще раз.

Люси просительно взглянула на кузину, приглашая ее присоединиться. Изабелле совсем не хотелось вызывать духов и разговаривать с ними. «Пусть они покоятся с миром», – умоляла она Люси, однако ее просьбы были адресованы особе, явно не имеющей ушей, чтобы слышать.

Конечно, Изабелла вполне могла бы остаться сегодня дома, если бы того захотела. Однако одна лишь мысль о том, что Люси придется пройти через все это в одиночестве, была невыносима. Что-то влекло ее кузину. Она искала кого-то или чего-то, и Изабелла должна была выяснить, что это. Перспектива ночной прогулки по Хайгейтскому кладбищу пугала. Но стоило представить Люси в самостоятельных поисках ответов на вопросы, мучившие ее, все остальные соображения отходили на второй план.

С самого начала Люси во всем поддерживала Изабеллу. Никогда не задавала вопросов, не пыталась разведать ее прошлое или разузнать о том *несчастном происшествии*, побудившем дядю приехать за ней. Изабелла чувствовала себя обязанной кузине, по крайней мере, за это.

– Идите сюда, садитесь, – скомандовала Алиса, махнув рукой.

Она подняла горящую свечу еще выше, тусклый свет залил тесную комнатку. Алиса усмехнулась, рассматривая Изабеллу, – нежелание той принимать участие в запланированном действе, очевидно, веселило медиума.

– Мертвые предпочитают темноту. – Алиса задула свечу, погрузив комнату во мрак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.